

Священник
Даниил Сысоев
†
Брак с мусульманином

Предисловие

— Батюшка, у меня проблема.
— В чём же дело?
— Понимаете, я очень люблю одного человека, просто жить без него не могу.
— Ну, в чём вопрос? Расписывайтесь, венчайтесь и живите долго и счастливо!
— Ну, понимаете, мой возлюбленный — мусульманин. Он не фанатик. Ест свинину, не совершает намазы, но по происхождению он мусульманин и поэтому не хочет отречься от веры предков. Он верит в Бога, и мы считаем, что Бог один, а раз так, то не будет греха в нашей свадьбе. А как считает Церковь? Ведь я православная, поэтому мне надо получить благословение на брак.

Такой разговор очень часто происходит сейчас в наших храмах. И это не удивительно. После советского времени произошло смешение народов. И ситуация, когда в брак хотят вступить верующие двух религий, стала очень частой. Но как оценивает это дело Бог? Как вести себя, если происходит такое бракосочетание? Как правильно вести себя православному супругу приверженца ислама? На эти вопросы мы и ответим в этой работе.

Как церковь относится к браку с иноверцами?

Вопреки мнению многих, и слово Бога, и постановления Церкви однозначно осуждают браки между христианами и иноверцами. Если посмотрим на священное Писание, то увидим, что практически на протяжении всей священной истории Бог предостерегает от смешения верных Ему людей с теми, кто не исполняет Его волю. Уже на заре мира произошла величайшая катастрофа Всемирного Потопа, вызванная тем, что «сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь Бог: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими; потому что они плоть» (Быт. 6, 2–3). Традиционное толкование говорит, что сыны Божие — это потомки Сифа, верные Господу, а дочери человеческие — каинитки, и смешение этих двух родов привело к гибели древний мир. Помня об этом страшном событии, св. Авраам заставил своего слугу поклониться Богом, что он не возьмет Исааку жену из дочерей Ханаанских (Быт. 24, 3). Точно также и одной из причин отвержения Исава было то, что он взял себе в жены хеттеянок. «И было это в тягость Исааку и Ревеке» (Быт. 26, 35), так что последняя сказала, что она «жизни не рада из-за дочерей Хеттейских» (Быт. 27, 46).

Закон Божий зафиксировал письменно эту норму: «Не бери из дочерей их жен сынам своим и дочерей своих не давай в замужество, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блужение вслед богов своих» (Исх. 34, 16). И «тогда воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя» (Втор. 7, 4).

И, действительно, эта угроза настигала тех, кто нарушал завет Господа. Начиная со страшного поражения в Ваал-Фегоре, когда погибло 24000 человек, только удар копья Финееса прекратил наказание. (Числ. 25) В продолжение правления судий Самсон погибает из-за филистимлянки Далиды (Суд. 16), и до страшного грехопадения мудрейшего царя Соломона, чьё сердце развратили жены. (3 Цар. 11, 3). Бог незамедлительно карал тех, кто нарушал Его повеление.

Причем, заповедь эта никоим образом не была связана с представлением о чистоте крови. Раав — блудница, Сепфора — жена Моисея, Руфь — моавитянка, отказавшиеся от своих лжебогов, вошли в народ Божий. Особенно важной эта заповедь стала для святых Ездры и Неемии, боровшихся со смешением избранного народа с иноплемениками (1 Езд. 9-10; Неем. 13, 23–29).

Слово Божие называет смешанные браки «великим злом, грехом перед Богом» (Неем. 13, 27), «беззаконием, превышающим голову, и виной, выросшей до небес» (1 Езд. 9, 6). Прор. Малахия провозглашает: «вероломно поступает Иуда, и мерзость совершается в Израиле и в Иерусалиме; ибо унижил Иуда святыню Господню, которую любил, и женился на дочери чужого бога». «У того, кто делает это, истребит Господь из шатров Иаковлевых бдящего на страже и отвечающего и приносящего жертву Господу Саваофу» (Мал. 2, 11–12). Не во исполнение ли этого проклятия Божия дети у таких преступников и преступниц становятся безбожниками, а часто и погибают?

Когда наступил Новый Завет, закон Моисея был превзойден благодатью Евангелия: тем не менее, это повеление Господа осталось в силе. Апостольский Собор в Иерусалиме заповедал обращённым из язычников воздерживаться от блуда (Деян. 15, 29), из чего толкователи выводят действенность всех брачных запретов Ветхого Завета и для христиан. Далее апостол Павел, разрешая жене выходить второй раз замуж, добавляет «только в Господе» (1 Кор. 7, 39).

Для христиан всегда была очевидной невозможность вступать в брак с неверными, и это исполнялось неукоснительно, несмотря на то, что общины христиан были очень малы. Так свмч. Игнатий Богоносец пишет: «Скажите моим сестрам, чтобы они любили Господа и были довольны своими мужьями по плоти и по духу. Так же предпшите и моим братьям во имя Иисуса Христа „любить своих жен как Господь Иисус Христос любит Церковь“... Хорошо мужчинам и женщинам, вступающим в брак, делать это с благословения епископа, так чтобы брак был по Господу, а не по похоти». Также думали и прочие святые отцы. Например, свят. Амвросий

Медиоланский говорит: «если самый брак должен быть освящаем покровом и благословением священническим: то, как может быть брак там, где нет согласия веры».

Данное учение прямо высказано Православной Церковью устами Вселенских Соборов. 14 правило IV Вселенского Собора накладывает епитимью на тех чтецов и певцов, которые вступают в брак с иноверными или отдают своих детей в такой брак. В согласии с толкованием еп. Никодима (Милаша) наказание это — низложение. Еще более ярко и без возможности каких-либо перетолкований изложено отношение Церкви к данному вопросу в 72 правиле VI Вселенского Собора. Оно гласит: «Недостоит мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православной жене с мужем еретиком сочетаватися. Аще же усмотрено будет нечто таковое, соделанное кем-либо: брак почитать нетвердым, и незаконное сожитие расторгать. Ибо не подобает смешивать несмешаемое, ниже совокупляти с овцой волка, и с частью Христовою жребий грешников. Аще же кто постановленное нами преступит: да будет отлучен. Но аще некоторые, будучи еще в неверии, и не быв причтены к стаду православных, сочетались между собою законным браком: потом один из них, избрав благое, прибегнул ко свету истины, а другой остался во узах заблуждения, не желая воззрети на божественные лучи, и аще притом неверной жене угодно сожительствовати с мужем верным, или напротив мужу неверному с женою верною: то да не разлучаются, по божественному апостолу: святится бо муж неверен о жене, и святится жена неверна о муже верне (1 Кор. 7, 14)».

Такая же норма действовала и в России до революции 1917 года. По Российскому закону, «русским подданным православного исповедания брак с нехристианами вовсе запрещается», а такое брачное сопряжение не признавалось «законным и действительным». Дети, рожденные в таком союзе, признавались незаконнорожденными, не имели прав на наследство и титул, а сама связь признавалась прелюбодейной. Христианину, в неё вступившему, даже в то время полагалось 4 года отлучения от Причастия.

В том же случае, когда один из иноверных супругов обращался в христианство, с того, кто остался вне Церкви, тотчас бралась подписка в том, что дети, которые родятся у них после этого, будут крещены в Православной Церкви. Иноверец не будет никаким образом приводить к своей вере, а его верная половина не будет лишаться единобрачного сожительства во всё время её жизни, и не будет принуждать её к возврату в прежнее заблуждение. Если неверный супруг давал такую подписку и следовал ей, то брак признавался законным; если же следовал отказ или нарушение этих обязательств, тогда брак тотчас расторгался, и новообращенный имел право на новый брак с православным. Великие догматики XIX века — например, митр. Макарий (Булгаков) — также считали невозможным брак верного с иноверцем.

Так что и Бог и Его Церковь категорически запрещают вступать христианам в союз с нехристианами. И это не удивительно. Ведь в браке двое становятся одной плотью, а как он может быть счастливым, если один из супругов верит в Троицу, а другой боится далекого одинокого властителя, который не даёт с собой встретиться? Как смогут мирно ужиться те, кто носит Крест на груди, и тот, кто считает, будто Христа не распинали? О какой крепости семьи можно говорить тогда, когда муж имеет право на основании своей веры заводить себе любовниц, которых он будет называть новыми женами или наложницами?

Что произойдет с той, которая выйдет замуж за мусульманина

Но все эти аргументы, к несчастью, часто не действуют на тех, кто влюблён. Они говорят: «Я всё равно только с ним буду счастлива, и потому мне всё равно, что говорит Бог и Церковь». Говорящая так не может, конечно, считаться православной христианкой. Но и ей нам есть что сказать. Ведь по Крещению она всё же принадлежит Церкви, и до самой смерти тайные связи соединяют её с Телом Христовым. Это и честь, и ответственность. Тот, кто уже вступил в Завет с Богом, пусть и в детстве, никогда не сможет стать таким, как те, кто изначально чужд Создателю. Блудный сын — все же сын. Бог говорит: «Да не будет между вами такого человека, который, услышав слова проклятия сего, похвалялся бы в сердце своем, говоря: „я буду счастлив, несмотря на то, что буду ходить по произволу сердца моего“... Не простит Господь такому, но тотчас возгорится гнев Господа и ярость Его на такого человека, и падет на него все проклятие завета сего, и изгладит Господь имя его из поднебесной; и отделит его Господь на погибель» (Втор. 29, 20–21).

Но и с точки зрения практической, такой брак для человека, воспитанного в христианской традиции, обязательно будет несчастным. Ведь отношения к женщине в исламе невыносимо для тех, кто воспитан на представлениях о любви между мужем и женой как норме супружеской жизни. Для тех, кто не верит, стоит привести исламские нормы отношения к жене, которые придётся исполнять той несчастной в случае, если она пожелает нарушить слово Бога. Итак, с точки зрения ислама, «женщина обязана внимать своему супругу и оказывать ему полное послушание, за исключением тех случаев, когда он требует запрещённое исламом». Женщина приходит в семью мужа. Без его разрешения она не может отлучаться из дома, а также заниматься профессиональной деятельностью.

Супруга имеет право посещать своих родителей и близких родственников, хотя муж может ей запретить встречаться с её детьми от прошлого брака. В некоторых мусульманских странах муж может сократить встречи жены с родителями до одной в неделю. Жена имеет право отказаться от супружеских отношений с мужем только в том случае, если он не внёс обговорённой в брачном договоре доли приданого, или в период поста. Необоснованный отказ жены приведет к её «отстранению», т. е. разводу. Этим же закончится для нее и использование противозачаточных средств. Священная книга мусульман Коран призывает мужей наказывать жён в случае их неповиновения, несогласия или просто в целях улучшения характера. В Коране сказано, что «Бог возвысил мужчин по их существу над женщинами, а кроме того мужья выплачивают брачное приданое... Браните

их, запугивайте, когда не слушаются... — бейте их. Если же жены послушны, то будьте к ним снисходительны» (Коран 4,38; 4, 34). Мусульманский богослов аль-Газали называет брак «разновидностью рабства для женщины. Её жизнь становится полным послушанием мужу во всём, если он не преступает законы ислама». Воспитание детей — исключительное право мужа. Даже в том случае, если жена принадлежит к одной из «религий откровения», то есть если она иудейка или христианка. Воспитание детей в иноверии запрещено мусульманским правом.

Добавим еще нечто об отношении к женщинам в исламе. Согласно распространённому хадису — изречению «пророка» — большинство женщин окажутся в аду. Если верить Ибн-Умару, «пророк сказал: О собрание женщин! Подавайте милостыню, побольше просите о прощении, ибо я видел, что большинство из обитателей огня — это вы. И одна женщина из их числа спросила: Почему большинство обитателей огня — это мы? Он сказал: Вы много проклинаете и неблагодарны к мужьям. Я не видел, чтобы у кого-то из обладающих разумом было бы больше недостатков в вере и уме, чем у вас» (Муслим, 1879). Согласно другому хадису, «пророк сказал: я не оставил после себя искушения более вредоносного для мужчин, чем женщины» (Аль-Бухари и Муслим)

Согласно шариату, «свидетельство двух женщин в суде приравнивается к свидетельству одного мужчины. Женщинам также запрещено следовать за похоронной процессией. Мужчина-мусульманин имеет право жениться на иноверке, но мусульманка выйти замуж за иноверца не может».

Но тут еще стоит заметить, что, выйдя замуж за мусульманина, жена ни в коем случае не должна ждать от него супружеской верности. Ведь он имеет право иметь до четырех жен, а также заключать т. н. «временные браки» сроком от 1 часа до года (так часто оправдывается проституция). Если государственные законы России и запрещают полигамию, то на практике она существовала и существует.

Так что, дорогие дамы, вступая в исламский брак, вы должны быть готовы и к тому, что к вам будут относиться как к животным, и к изменам, которые даже не считаются таковыми, и к избиениям со стороны мужа, санкционированным Кораном. (А для мусульман-мужей даже в Европе исламские богословы выпускают специальные книги о правильных способах избиения жен так, чтобы не слишком сильно изувечить ваше тело, чтобы им можно было и дальше пользоваться и при этом не попасть под светский суд). Если вам нравится все это — пожалуйста! Только не говорите, что мой возлюбленный так никогда не сделает, потому что он хороший. Кроме вашего сожителя (мужем назвать его мне не позволяет слово Божие), есть ещё его семья, которой он сам обязан повиноваться, хочет он того или нет. Чуть позже мы приведём свидетельства того, что ждёт в реальности женщину, если она попадает в современную исламскую семью. Но сперва скажем ещё и о том, что вам не надо рассчитывать на долгую и счастливую жизнь в крепкой семье. Ведь по правилам ислама муж может легко развестись с женой. Это может быть и правильный развод (мюборот) по желанию мужа с объяснением причин, или совместному решению мужа и жены, а может быть и просто развод по желанию мужа без объяснения причин в упрощённой форме (талак), после произнесения им одной из установленных фраз: «ты отлучена» или «соединись с родом».

В случае развода муж должен выделить жене необходимое имущество «согласно обычаю». Разведенная женщина в течение трех месяцев остаётся в доме бывшего мужа, чтобы определить, не является ли она беременной. В случае рождения ребенка он должен быть оставлен в доме отца. Жена же может требовать развода только через суд, ссылаясь лишь на строго очерченные основания: если муж имеет физические недостатки, не выполняет супружеских обязанностей, жестоко обращается с женой или не выделяет средств на её содержание.

При этом, если супруги вдруг захотят вновь воссоединиться, то в исламе существует чудовищное постановление, что для этого жене необходимо прежде выйти за другого мужчину, развестись с ним, и только после этого вернуться к прежнему: «Если же он дал развод ей, то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернуться» (Коран 2.230).

Христианка в исламе. Описание реальности

Но теперь стоит привести примеры того, как на практике реализуются эти нормы в историях наших современниц. Для начала приведём выдержку из исследования этнографов, изучавших положение дел в Средней Азии в 1980–1990 годах.

«Женщины-европейки, которые живут в браке с представителями коренных национальностей, в подавляющем большинстве своём не местные уроженки. История их появления в Средней Азии почти всегда одинакова: молодой парень был в армии или на учёбе, на работе, познакомился с девушкой, женился, привёз с собой. Несколько раз я встречала в роли супруги мусульманина женщину из местного русского села. Но исключений из правила не случилось: всегда оказывалось, что она не из старожилов, а приехала в республику незадолго до замужества. В основном, это были те, кого эвакуировали из центральной России в годы войны.

Чаще всего русские женщины соглашались на брак с мусульманином, имея очень смутное и далекое от действительности представление о том, что их ждёт. Многие едут в Среднюю Азию из соображений материального благополучия и жестоко раскаиваются уже на месте. („Там-то, в России, он, жених то есть, по-европейски одет, говорит, что у него здесь три дома. А сюда приезжают — что ей в глиняном доме делать?“). Нередко молодую невестку родственники мужа не принимают, а жить отдельно от них не позволяют обстоятельства. Иногда молодых пытаются развести, поскольку без согласия жениха ему уже приглядели невесту из местных. Между свекровью и по-русски „свободолюбивой“ невесткой начинаются ссоры. Поэтому многие браки распадаются в самом начале совместной жизни. Большинство жен в таких случаях уезжает обратно.

Некоторые из молодых супругов выдерживают описанные испытания, и дальше происходит, как правило, следующее. Женщины постепенно смиряются со своей ролью невестки в патриархальной семье, усваивают нормы поведения, принятые у местных жителей, выучивают язык и, в конечном счёте, как говорили информаторы, совсем „обузбечиваются“ или „отаджичиваются“. Чтобы, идя таким путем, сохранить брак, русской жене необходимо огромное терпение. Тогда ее начинают считать своей и хорошо к ней относиться — правда, только при условии, что она примет ислам и будет соблюдать обычаи.

С женщинами в таких случаях происходят разительные перемены. Их поведение, одежда, разговор, образ жизни становятся иногда неотличимыми от местных жительниц. Бывает, что женщина почти не помнит родной язык. Вот несколько коротких, но характерных историй: „Одну девушку из России таджик привез после армии. Первое время, как здесь жила, плакала, приходила жаловаться, а сейчас — не отличишь от таджички: по языку, по одежде (шаровары их носят), пять детей родила и внешне стала похожа“; „Была замужем за узбеком, обузбечилась, муж ее поколачивал по голове...“; „Одну привезли из Владимира, совсем молоденькую. Прижилась. По-русски почти совсем не говорит. Я ее по-узбекски спрашиваю: — Почему такой стала? — Не знаю...“».

А теперь приведём воспоминание возвратившейся из Ислама, описывающей изнутри все «прелести» исламской семьи для тех, кто ушел от Христа к Магомету:

«С пятнадцати лет я живу с родителями в Германии. Мне было девятнадцать лет, когда я познакомилась с Фатихом. Он оказался единственным молодым человеком, который действительно разделял мои взгляды на этот мир, на Бога. Я была православной. Он мусульманином. Когда мы познакомились, моя вера была в охлаждении. Я видела только лицемерие и ханжество в храмах. Не слышала Бога в своей душе. Такому человеку, как мне, без этого было невозможно. Когда я не чувствую Бога в моей жизни, у меня появляется чувство, что я не живу, а постепенно умираю, что жизнь не имеет смысла. Фатих был просто хорошим другом. Ему было шестнадцать лет, но выглядел он старше, и по его поведению и мышлению я бы дала ему не меньше двадцати. Он обманул меня, сказав, что ему 17. Когда я заметила, что у него постепенно стали появляться ко мне какие-то чувства, я сказала, что нам не стоит больше встречаться, так как отношения между нами невозможны. Полгода мы не виделись. Мое отпадение от церкви продолжалось...»

О Фатихе я вспоминала всё это время, и мне не хватало его. Один раз через полгода мы случайно встретились на улице, но не поздоровались. А потом всё-таки созвонились и решили встретиться. Встретившись с ним, я поняла, что более родного человека (не считая мамы, конечно) никогда не встречала на этой земле. Я узнала, что он был очень болен, так, что его с трудом спасли врачи. Я с ужасом представила, что этого человека, который мне кажется совершенно родным, я могла больше не увидеть. Я не хотела с ним никаких близких отношений, так как не воспринимала его плотски (даже наоборот, мне было странно представить, что между нами что-то такое может быть). Но он сказал, что не сможет относиться ко мне адекватно, и я согласилась встречаться с ним. А на следующий день он попал в больницу, так как возобновилась та болезнь, и две недели я приходила к нему каждый день, вследствие чего познакомилась со всей его роднёй. Это было с его стороны, наверное, не запланировано, так как он не знал, как отнесётся его семья к такому явлению, как иностранная и иноверная подружка. В целом, я им понравилась, так как была стеснительной и не знала, что говорить, а поэтому всё больше молчала в их присутствии. Когда у нас на приходе узнали о наших отношениях, поднялась тихая паника. Православный наш народ пытался помочь мне, но всё более толкал меня к исламу...

В христианстве я не могу ничего добиться, не слышу Бога, не могу до него достучаться. А Фатих гарантирует мне, что ислам — тоже правильная религия (в этом я почти не сомневалась). На улице я постоянно видела мусульманок, и их лица мне казались такими чистыми (внутренне), и хиджаб (мусульманская одежда) мне тоже очень нравился, я очень хотела одеваться так же.

Я много читала об исламе и решила, что стоит попробовать достучаться до Бога через другое оконце. Я задвинула представление о Христе как о Боге в далёкий угол сердца и произнесла Шахаду, после чего совершила полное омовение и начала совершать заранее выученный наизусть намаз. Я также сразу надела платок и поменяла имя...

Вскоре мы женились по мусульманскому обряду. Ислам не дал мне ожидаемого. Я не чувствовала ничего. Я пыталась достучаться до Бога, но Он не отвечал мне никак, ни даже каким-то знаком. Только в Библии, иногда открыв ее на случайном месте, я вдруг читала ответы на свои вопросы. Совершать намаз было очень тяжело. Пять раз в день повторять одни и те же суры из Корана на арабском языке, — какой в этом смысл? Разве это молитва? Не виделось в этом никакого смысла. Это не имело ничего общего с христианской молитвой, где можно молиться и мысленно, и всем сердцем, по словам уже написанных молитв или своими словами. В исламе есть только Дуа — молитвы, которые можно произносить на родном языке. В них я часто просила Бога указать мне истинный путь. Какой смысл поститься в Рамадан, если вечером ты наедаешься так, что тебя тошнит, а днём ты настолько слаб, что ничего не можешь делать? А от женщин требуется еще и то, чтобы они готовили пищу для разговения.

Для меня был мучителен и тот факт, что без общины ты никто, и отрываться от общины — огромный грех. А как я могла влиться в общество, в котором все говорили исключительно на турецком? Дело не только в этом, просто я с детства привыкла к самостоятельности. Семья Фатиха не была сильно верующей. Эта семья вообще очень проблемная. Отец игрок, мать психически больна, так что все семейные проблемы всегда приходилась глотать. Ведь выносить сор из избы — это тоже грех. (Если тебя бьёт муж или свекровь, ты как мусульманка не должна рассказывать об этом никому). А ей пришлось очень тяжело в семье своего мужа, так как родители мужа ее не любили, да и муж побивал. Да что побивал, бил по-настоящему. За 15 лет жизни в Германии она так и не научилась говорить по-немецки. У неё образование 7 классов. Многие европейские женщины удивляются: почему турчанки не уходят от мужей, которые их бьют. В силу того, что строй общества общинный, они просто не умеют жить без

своей семьи. Лучше пусть плохенькая, но семья. Их индивидуальность почти на нулевом уровне. Они все зависят от общества, от мнения этого общества и от его решения. Последнее было для меня невыносимо. Если все собирались ехать на природу, а ты не хочешь — ты должна ехать. Иначе тебя просто не уважают. Если все сидят и едят, а ты нет — ты изгой. У Фатиха еще один старший брат (Мехмет), младший (Илкер) и младшая сестра (Нергиз). Старший брат — любимчик, Фатих уже менее любим, так как не первенец, Илкер был с ранней юности болезненно толстым, Нергиз очень стеснительная, толстая и горбатая девочка, которая за чем-то уже в 12 лет тоже стала носить платок. Этим она как бы ещё больше оторвала себя от мира, а через это и от нормального развития индивидуальности. У неё нет подруг, после школы она сидит в гостиной и смотрит турецкое телевидение.

Меня раздражала столь непривычная для меня иерархия: когда я приходила в гости, (это было еще до перехода в ислам, потому что после я уже была „своя“ со всеми обязанностями), Фатих спрашивал, хочу ли я минералки. Если я отвечала „да“ он говорил это Илкеру, Илкер же посылал Нергиз. Так же и родители. Если они просят что-то сделать Фатиха, он просил Илкера, а тот просил Нергиз (скорее приказывал, а не просил, так как у них в лексиконе не было слова „пожалуйста“). В результате парни росли лентяями. Когда появилась я, то многое пришлось делать мне, так как у меня язык не поворачивался передать просьбу бедняжке Нергиз. Должна заметить, что в целом наши отношения с Фатихом не были такими уж гладкими.

После того, как я перешла в ислам, я стала часто впадать в истерики, при этом царапая свое лицо и руки, пытаюсь душевную боль заглушить физической. Откуда была боль? Наверное, от той пропасти, которая образовалась между мной и Богом. Фатих пытался полностью меня контролировать просто из страха, что со мной что-то случится, из страха потерять меня. Он заставлял меня делать вещи, которые в его глазах соответствовали моему новому статусу. Я должна была несколько раз в неделю приезжать к ним домой и помогать его маме, с которой у нас не было общего языка. Она говорила только на турецком. Я должна была ходить в медресе, где мне было невыносимо скучно, так как женщины там занимались только хозяйством, потя в платках и кофтах с длинными рукавами. Посторонних мужчин не было, но так приучил всех глава семьи. Они даже спали в платках.

Я должна была как можно больше времени проводить в кругу семьи. При этом Фатих беседовал с ними на турецком, а я сидела как пенёчек, ничего не понимая и скучая, так как не привыкла не занимать свои мозги чем-нибудь полезным, хотя бы книгой. Читать он мне не разрешал почти ничего, кроме книг Саида Нурси (основоположника этого направления ислама) и разве что Корана, но только на арабском. А ведь я с детства привыкла читать много, и очень редко это были вредные для души книги. Я не читала детективов и романов, но Фатих запретил мне и психологию, и общепознавательную литературу, и классику. Я не имела права куда-либо пойти без его ведома. Само по себе это и не так страшно, если бы он хоть иногда что-то разрешал. Почти всё, о чём я его спрашивала, он мне запрещал. То есть, я уже начала делать вещи тайком, просто потому, что запреты преобладали. Так, я тайком занималась русским языком, читала классику. Турецкий давался мне не очень плохо, но из-за жуткого душевного неравновесия и постоянных страхов перед гневом Фатиха, я просто не находила сил заниматься турецким систематично. В его семье я всё равно оставалась чужой, так как я не знала языка и не могла понять саму культуру. Как можно так часто и много сидеть и трепать языком, ничего не делая?

Меня поражала неразвитость индивидуального мышления и вообще мышления как такового. Как правило, мужская компания отделялись от женской, и тогда у меня даже не было возможности спросить Фатиха, о чём разговор. Фатих страшно боялся моих истерик и порой просто не знал, что со мной делать. Как потом выяснилось, он, бедный тоже постоянно жил в страхе, что выведет меня из себя. А ещё он, обладая хорошей интуицией, чувствовал, что я не совсем искренна с ним и не очень ему доверяю. Ему часто снились кошмары, что я снимаю платок и живу распутно. И так наши отношения были полны страха и обид. Перед обручением (имам никях), всё тоже было очень мучительно, так как нам необходимо было узнать, на что мы идём и больше узнать о наших правах и обязанностях в браке. Вот тогда всё и началось. Он пытался убедить меня в том, что я, как женщина, обязана быть ведомой мужчиной (особенно в духовном аспекте), что нельзя никак иначе, что я не имею права сама принимать решения. Он говорил, что мужчина и женщина не равны, при этом постоянно говорил, что женщина не хуже мужчины. Я же отвечала, что он обращается со мной как с малым ребенком. Я ни одного решения не могу принять. Все за меня решается. Я утверждала, что для моего духовного развития мне необходимо самой пытаться ходить и набивать шишки.

Мы взяли книгу о мусульманском браке и выяснились интересные вещи. Оказывается, он имеет право меня слегка бить в случае неповиновения. Права на развод у меня тоже не было, за некоторыми исключениями (его половое бессилие, отпадение от веры или если он возьмёт себе вторую жену). В то время Христос стоял при дверях и **СТУЧАЛ В МОЕ СЕРДЦЕ**, которое, чувствуя это, начинало разрываться. Открывать Христу или оставить дверь закрытой, чтобы Фатих не убежал? И вот в день нашего обручения я, вся в каких-то сомнениях, достала у мамы с полки брошюру „Женщина-христианка“. Прочитав ее, я исполнилась такого счастья, что я женщина! Женщина-Христианка, какое высокое звание, какая высокая роль у неё! Ведь Христос воплотился в Деве Марии. Через женщину пришло Спасение в мир! Ах, вот как это на самом деле. Я увидела подчинение главе семьи совсем в ином свете. Потому что в христианстве есть понятие о смирении... Прочтение этой книжки дало мне смелость все-таки вступить в брак с Фатихом. Обручение было скромным. Моих родителей не было. Кстати, о них. Мама терпеливо переносила всё это время мои страдания, а папа потерял во мне дочь. Лишь когда я снова вернулась ко Христу, он сказал, что ощущение такое, будто меня не было тут несколько лет, а потом я вернулась. Он очень сильно переживал. После обручения ничего не изменилось. Мы не стали жить вместе, даже не знаю почему. Так уж получилось. Однако я начала опять читать христианские книги, в том числе этот сайт („Православие и ислам“). Я начала что-то переосмысливать.

Потом я предложила Фатиху переехать ко мне. Мы прожили около месяца вместе. Это время было очень тяжелым. Я сидела у мамы, (она живет рядом) и боялась прихода Фатиха домой, так как он хотел, чтобы я сидела дома. Фатих, в свою очередь, боялся прийти домой в эту атмосферу страха и беспокойства. Я поговорила со священником. Он посоветовал начать постепенно доносить до Фатиха, что я не могу быть мусульманкой. Я начала издали. Вскоре Фатих уехал в Турцию на 2 месяца. Пока его не было, я хлебнула свободы и поняла, что так дальше не могу. Мы общались по Интернету, и я все прямее говорила, что, может быть, ислам не мой путь. Он уговорил меня приехать в Турцию. Там мы часто ссорились, и я все больше и больше понимала, что так дальше идти не может. Фатих обвинял меня во многих недостатках, и я с ним соглашалась. Я и правда видела всю свою порочность и греховность, эгоизм и самолюбие, и многое другое. Но как я могла это исправить? Ведь в исламе не было ответов на это! В исламе говорится, как ты должен поступать, но не сказано, что делать, если не получается. А Христос пришел на землю и взял на Себя все наши грехи. И если только мы обратимся к Нему и будем Ему молиться об искоренении грехов, и причащаться Его Очищающей Крови и Пречистого Тела, то постепенно совершится преображение.

Что мне толку, если мне говорят „делай“ или „не делай“. Я же немощна. И вот, после очередной ссоры, я сказала Фатиху, что я не вижу другого выхода, как стать христианкой. Я не могу измениться в лучшую сторону в исламе, а ведь он хочет, чтобы я изменилась в лучшую сторону. С тех пор мы не перестаём расставаться. Сначала он дал мне срок на размышление, действительно ли это то, чего я хочу. Я полетела в Германию, через несколько дней прилетел и он. Приехал он не ко мне, а к родителям, и стал пока жить у них. А я тем временем поставила икону в квартире и принесла пару православных книг. Когда он приехал ко мне, он спросил, что я решила. Ответ он увидел в виде иконы. Он тут же уехал. Сказал, что вещи заберёт позже. Через несколько дней я пошла в церковь, на праздник Крестовоздвижения. Он позвонил мне на мобильный и сказал, чтобы я сейчас же была дома, так как он хочет забрать вещи. Я сказала, что не могу, так как сегодня большой праздник. Тогда он просто приехал в церковь. В таком раздражении я никогда его ещё не видела, он заставил меня поехать с ним. Он говорил мне примерно следующее: „я поужинал у сведущих людей, оказывается, я не имею права быть на тебе женатым, если ты христианка, по шариату это запрещено (имелось в виду мое вероотступничество). Становись мусульманкой, или мы навсегда расстанемся. А сейчас твоя жизнь ничего не значит, каждому мусульманину позволено убить тебя“.

В тот вечер и еще несколько раз я поддавалась на уговоры. Я пыталась убедить Фатиха, что я не христианка и не мусульманка, так как не знаю уже, во что верить. Я как бы оказалась между двух религий. Конечно, всё это было лишь продолжением предательства по отношению к Христу. Фатих не мог со мной расстаться навсегда, и мы то ссорились, то мирились. Он обвинял меня во всём, он ругал меня за то, что я принесла ему в жертву невозможное (свою веру). Каждый раз он расставался со мной навсегда и каждый раз возвращался. А я, тем временем, всё больше воцерковлялась, исповедовалась и причащалась. Насчёт того, что по шариату он не имеет права быть на мне женатым, он сказал, что это оказалось недостоверной информацией, и он и дальше смотрел на меня, как на свою жену. Я же к тому времени успокоилась полностью. Истерики прекратились сразу же после того, как я решила покинуть ислам, хотя ситуации были очень располагающими к душевному неравновию. Наши отношения вели в тупик, и мы об этом знали. Но не находили в себе сил расстаться. Мы отпраздновали третью годовщину наших отношений и вскоре узнали, что брак наш недействителен, так как он автоматически аннулируется при отпадении от веры одного из супругов. И вот уже в который раз мы расставались. Раньше это был только Фатих, а теперь и я решила ему помочь, так как я вдруг поняла, что это эгоистично — держать его при себе, раз наши отношения для него — грех. И я попыталась с ним расстаться. Но не получилось. Всё это очень тяжело, он чувствует во мне что-то, от чего не может меня забыть. Даже если мы не видимся неделю, для него это невыносимо. Это не только три года близких отношений. Я уверена, что он чувствует благодать святого Причастия.

И сколько раз мне Господь отвечал на мои молитвы о нём словами Евангелия: „И если чего попросите у Отца во имя Моё, то сделаю, да прославится Отец в Сыне“ (Ин. 14:13) и „всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите“ (Мф. 21:22). Я знаю, что Господь и его любит, а если любит, то, конечно, желает ему спасения. С тех пор, как я стала за него молиться, он страдает, кажется, ещё больше. У него постоянно крадут дорогие вещи или он теряет их (в том числе, мобильный и мотоцикл), он просит меня за него молиться. И я молюсь и верю в милосердие Божие, а также в Фатихову интуицию. Рано или поздно он должен почувствовать, а потом и понять, где истина, а где ложь. Где милосердие Божие и благодать, а где холод шариатских законов и чёрно-белое видение мира.

И все ещё нету человека роднее его, мы понимаем друг друга без слов, несмотря на всё. Теперь, когда я воцерковилась, насколько могла, когда я познала вновь любовь Христа, даже до смерти, ко мне, последней предательнице, я многое поняла и в исламе. Я теперь знаю, что в видимой чистоте лиц правоверных мусульманок пустота. Как-то раз, читая книжку Саида Нурси „чудеса Мухаммеда“, я обратила внимание на какую-то бездуховность этих чудес. Вспоминается, например, как пророку надо было сходить в туалет и ради этого природа таким образом выстроилась, что как бы загородила его от людей. А тот факт, что многие из чудес были сотворены во время войны против неверных, потряс меня. Разве только чудеса важны? Пророк делал какие-то чудеса и при этом убивал неверного за неверным, не щадя жизнь людей, которая свята! А при первой проповеди апостола Петра обратилось около 3000 человек, без всякого насилия, одним только оружием — словом, исполненным Духом Святым. Если христиане-мученики свидетельствовали о вере своей смертью, то мусульмане — убивая других. Здесь ли Дух Божий, здесь ли благодать? Если в Коране написано: „И прелюбодейку и прелюбодея — каждого из них секите сотней плетей. Пусть не охватывает вас жалость к ним во имя веры Аллаха, если вы веруете в Аллаха и в Судный день. А при наказании их пусть свидетелями будут некоторое число верующих“ (24:2), то в Евангелии

совершенно тому противоположное: когда „привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии... Он... сказал им: кто из вас без греха, пусть первый бросит в меня камень... И когда, будучи обличаемы совестью, все разошлись, он сказал: Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши“ (Ин. 8, 3-11). Много такого можно найти, если почитать Коран и Евангелие. Слава Богу за Его милосердие к грешникам. Вот и я из них, а чувствую любовь Его ко мне каждый день. Дай Бог всем Вам радость совершенную!»

Несколько слов о мужчине, пожелавшем жениться на мусульманке

Все вышесказанное относится, в основном, к женщинам, выходящим замуж за мусульманина. Причина этого довольно проста. Дело в том, что ситуация обратная, то есть брак мусульманки с христианином категорически запрещена не только Православием, но и мусульманством. Согласно шариату, такой союз должен признаваться незаконным и прелюбодейным. Поэтому обычно верующие родственники всячески противятся заключению таких союзов. Если же он всё же состоится, от мужа требуют перехода в ислам.

Но нам приходилось сталкиваться с такой ситуацией в своей пастырской практике. Один православный юноша женился на татарке, которая сама была весьма посредственной мусульманкой, но вся родня её была верующей. В результате, все уверения жены о том, что, как только ее возлюбленный на ней женится, она сразу и крестится, оказались пустыми, и, как следствие этого, брак — глубоко несчастным. Муж и жена постоянно скандалят, обвиняют друг друга во всех смертных грехах, и сейчас эта семья стоит на грани развода. Но и для мужа общение с мусульманкой пошло совсем не на пользу его душе. Он потерял возможность стать священником, и жизнь его пошла наперекосяк.

Но, к сожалению, реальность, с которой приходится сталкиваться священнику, часто бывает ещё хуже. В результате таких союзов чаще всего жены и мужья очень быстро обмирщвляются, ревность к спасению заменяется приспособленчеством, а часто наступает и прямое отступничество. Даже если супруг не переходит в ислам, вера его в результате всё равно ослабевает.

Вместо воскресных служб такие супруги начинают ходить в театры и на модные «тусовки», лишь бы угодить своей «половине». Дети у таких родителей растут циниками, которые не верят ни во что. Что, впрочем, и понятно, ведь живой пример лицемерия у них перед глазами!

Такое явление вовсе не ново. — Еще в III веке его заметил свмч. Киприан Карфагенский, когда в своей книге «О павших» писал, что причиной большого количества отступников во время гонений Декия было то, что «заклучают супружеские союзы с неверными; члены Христовы предлагают язычникам».

Так почему же такое происходит? Неужели православная вера более слаба, чем неверие или какая-либо лжерелигия, если брак, заключенный с неверным, приводит к столь плачевным результатам? Ответом является то, что Бог не помогает тем, кто прямо нарушает Его волю.

Да и как может быть мирным тот брак, где один одобряет джихад и хвалит шахидов (пусть не России, а в Израиле), а другой старается научиться любви к врагам? Как мусульманин, считающий иконы идолами, будет их терпеть в своем доме? Как христианину жить в квартире, не освящённой священником, где свободно гарцует дьявол, призываемый «супругом»? Как отгородиться от постоянных насмешек над твоей верой и закрыть глаза на очевидную нелепость ислама? Некоторые утверждают, будто надо уметь «уважать веру другого». Но как человек, живущий в истине, может уважать ложь? Это глупость и отступничество! Бог говорит: «горе тем, кто зло называет добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!» (Ис. 5, 20) Это проклятие падает на соглашателей!

Попытки оправдать такие сожителства

Некоторые христиане пытаются оправдать свое беззаконие, ссылаясь на норму Писания, рекомендующую не расторгать брак с неверным, заключённым до принятия христианства. Например, в одной книге так обосновывали брак с иноверцем: «Церковь с уважением относится к такому браку, в котором лишь один из супругов принадлежит к православной вере, ибо сказал св. ап. Павел: Неверующий муж освящается женою верующей, и жена неверующая освящается мужем верующим (1 Кор. 7, 14), и далее: ибо, почему ты знаешь жена. Не спасешь ли ты мужа, или почему ты знаешь, муж, не спасешь ли жены? (1 Кор. 7, 16). Ведь ты помнишь, что Господом сказано: муж и жена — это одна плоть. Так было исстари, так есть и теперь — брак между верующим и неверующим супругами не считается Церковью блудным сожителством» (Е. Богушева. Уж замуж... — М., 2002. — С. 9–10).

Аргумент этот является наиболее распространённым из выдвигаемых в защиту брака с неверными. Более того: он не нов. Его ещё во II веке выдвигали те, кто пытался отказаться от исполнения слов Господа. Вот как отвечает на него Тертуллиан: «совершенно ведь ясно, что этот текст имеет в виду тех христиан, которые уверовали, уже состоя в браке, что доказывают слова: „если какой брат женат на неверующей“. Он не говорит: „взял в жены неверующую“. Он хочет сказать, что женатый на неверующей и только что сам обращённый должен оставаться с женой; иными словами, новообращенные не должны думать, что обязаны расстаться с женами, которые сделали для них чуждыми в вере. Он даже прибавляет обоснование, говоря, что „в мире призвал нас Господь“, и что „верующий может спасти через брак неверующего“(1 Кор. 7, 15–16). Наконец, это толкование подтверждает концовка: „кого, как призвал Господь, тот пусть так и остаётся“ (1 Кор. 7, 17). А призывают, я полагаю, язычников, а не христиан. Если бы он говорил о тех, кто сделался христианином до женитьбы, то разрешил бы последним вступать в брак с кем угодно. Но этому противоречили бы следующие его слова: „жена после смерти мужа свободна, и может выйти за кого хочет, но только за христианина“ (1 Кор. 7, 39 — „только о Господе“ в нашем тексте). Смысл этих слов не оставляет сомнений: чтобы мы не злоупотребили словами „пусть выходит за кого

хочет“, он прибавляет: „только за христианина“... Это единственное условие, которое он выдвигает. „Только за христианина“, — говорит он, и слово „только“ придаёт великую силу закону, делая его совершенно обязательным. Слово это повелевает и убеждает, приказывает и увещевает, обязывает и угрожает. Мнение апостола столь же ясно, сколь и красноречиво в своей краткости, как и всякое Божественное слово, требующее повиновения». Анализ этого священного текста, столь блистательно проведённый знаменитым апологетом, показывает всю надуманность приведённого выше аргумента.

Если же мы обратимся к толкованию отцов (а 19 правило VI Вселенского Собора запрещает понимать Писание вопреки святым), то увидим, что их согласное мнение подтверждает такое понимание этого священного текста, которое относится единственно к тем семьям, один из которых обратился к Христу после брака. Приведу только одно толкование святого отца, чтобы не быть голословным. Блаж Феофилакт Болгарский пишет в толковании на данное место: «Рассматриваемую заповедь апостола относи к тому только случаю, если муж и жена соединились браком, когда оба еще находились в неверии, но после та или другая сторона обратилась к вере. Ибо, если прежде только один муж был неверным, или только одна жена; то верной половине вовсе не позволялось вступать в брак с неверной: это видно из слов апостола; ибо не сказал он: если кто пожелает взять неверную, но „аще кто имать“. Опять не просто предписывает жить верной половине с неверной, но только если последняя пожелает того; ибо это значит „благоволит“, т. е. если пожелает». Подобную мысль высказывает и блаж Феодорит Киррский, говорящий: «Выходи за верного, благочестивого, целомудренно, законно». И как уже мы видели выше, именно такое толкование высказала сама Церковь устами 72 правила VI Вселенского Собора. И кто после этого посмеет опровергать учение, высказанное столь великим авторитетом?

А как же любовь?

«Сердцу не прикажешь» — отвечают многие, выслушав все эти аргументы. И тут надо сказать две вещи.

Во-первых, если вы так говорите, то на самом деле ваша любовь к потенциальному супругу просто очень слаба. Как можно говорить о той любви, которая смирится с тем, что возлюбленный после смерти навсегда станет недоступным для любящего человека? Ведь вдовство в таком браке — это начало вековой разлуки. Каковы бы ни были раньше отношения, вы не встретитесь с любимым во всю вековую вечность. Ведь тот, кто умер в исламе, тот не принял Крещения, не родился от воды и Духа и не наследует Царства Божия (Ин. 3, 5). Мусульманин не верит в Сына Божия, а потому не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём (Ин. 3, 36). После смерти его душа сходит в ад, отягчённая грузом как изначальной Адамовой скверны, так и своих, не прощённых Богом, грехов. Многие святые со скорбью видели Магомета и его последователей, мучающихся в огненной бездне.

В качестве одного из видений, описывающих загробную участь мусульман, приведу воспоминание схимонаха Николая Исповедника (в миру Юсуф Абдул оглы 1820–1893), бывшего мусульманина, записанные преп. Варсанофием Оптинским:

«Я увидел великую и неизмеримую пропасть, исполненную мрака, но мрак этот не воспрепятствовал мне увидеть в её страшной глубине князя тьмы в том виде, как он изображается на церковных картинах; на руках у него сидел Иуда, державший в руках подобие мешка. Возле князя тьмы стоял лжепророк Мухаммед в рясе зеленого цвета и такого же цвета чалме. Вокруг сатаны, который составлял как бы центр пропасти, на всем беспредельном пространстве её, видел я множество людей всякого состояния, пола и возраста, но никого из знакомых между ними не заметил. Из пропасти доносились до меня вопли отчаяния и неизглаголанного ужаса, которых невозможно передать словами».

Разве может любящее сердце смириться с такой страшной участью, которую готовит для себя любимый? Разве может настоящая любовь допустить такое? Невозможно говорить о любви, когда знаешь, что твой муж, жена, дети (которых заставят принять ислам под угрозой развода) будут вечно мучиться.

Говорят часто, что пусть лучше я буду в муках, но со своим любимым, чем без него, но в раю. Но это глупость и неправда. В аду нет места ни для любви, ни для общения. Ад — место нечеловеческое. Однажды преподобный Макарий шел по пустыне и увидел череп, который силой Бога заговорил. Он принадлежал прежде идольскому жрецу. Этот идолослужитель поблагодарил Макария за его молитвы и сказал, что по ним обитатели ада получают великое облегчение.

— В чем же оно? — спросил преподобный.

— Мы стоим спиной друг к другу в окружении столпов пламени, спинами друг к другу, — отвечал жрец. — А когда ты молишься, пламя немного опускается. Мы видим лицо другого и получаем от этого великое утешение.

Так что ад — это место вечного одиночества, и все надежды на встречу там — пусты. Тем более невозможна встреча тогда, когда один спасся, а другой погиб.

Так что, если ты любишь человека — обрати его ко Христу Спасителю, пусть он примет Крещение, и тогда венчайтесь, и живите счастливо. Бог вам в помощь! Брак ваш сможет получить вечное продолжение в небесном Царстве, где вы будете уже не мужем и женой, а вечными братом и сестрой перед Сияющим Ликом Любящего Отца.

Второе, что можно сказать по поводу «приказа сердцу» — так это то, что последовательно проведённый, этот принцип полностью отрицает любой брак. Если мы должны слушаться только сердца, не руководствуясь ни умом, ни верностью, ни словом Божиим, тогда нечего пенять на измену. Ведь сердцу не прикажешь! А раз так — зачем, спрашивается, и в брак вступать?

На самом деле ошибка здесь в том, что под словом «любовь» у нас часто понимают особое состояние чувств, а это не так. Чувства — лишь следствие такого состояния воли, которое происходит от Бога. Как раз поэтому любовь и может быть заповедью Господа. Ведь абсурдно было бы требовать от человека создавать в себе те чувства, над которыми он заведомо не властен!

Согласно «Православному исповеданию» «любовь вмещает в себе Божественное Десятисловие». Катехизис (краткое изложение Православной веры) утверждает, что «истинная любовь естественно проявляет себя через добрые дела».

Преп. Иоанн Лествичник говорит, что «любовь по качеству своему есть уподобление Богу, сколько того люди могут достигнуть; по действию своему, она есть упоение души; а по свойству — источник веры, бездна долготерпения, море смирения. Любовь, собственно, есть отложение всякого противного помышления, ибо любви не мыслит зла. Любовь, бесстрастие и сыноположение (усыновление Богу) различаются между собою одними только названиями» Таким образом, для христиан очевидным является то, что истинная любовь невозможна без православной веры. Ибо, как пишет тот же преподобный, «по моему разумению, вера подобна лучу, надежда — свету, а любовь — кругу солнца. Все же они составляют одно сияние и одну светлость».

Для нас представляется совершенно невыносимой сама возможность истинной любви там, где возлюбленный не верит в Бога или верит в Него совершенно неправильно. Все эти чувства, именуемые любовью, являются, согласно Лествичнику, т. н. «естественной любовью», свойственной, в том числе, и животным. Это состояние не является благодатным, а потому и «блуд примешивается к ней, как иногда видим в голубе кроющихся вшей». На этом чувстве нельзя построить, конечно, и христианской семьи, и она не приводит человека к святости.

Что делать, если брак уже состоялся?

К сожалению, сейчас этот вопрос задают себе многие, еще до вступления в Церковь женившиеся и вышедшие замуж за приверженца ислама. Здесь как раз и применимы слова апостола Павла: «если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее. И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1 Кор. 7, 12–16)

Супруги в таком браке должны уважать друг друга (но не ложное учение) и воздавать друг другу честь. Ведь и мусульманин несёт на себе отпечаток образа Божия, а потому достоин и чести, и уважения. Если христианин — муж, то он должен показать пример любви и заботы своей жене, не знающей такого доверия и заботы из норм своей религии. Как глава семьи, он должен учить основам веры свою супругу. Но проповедь должна проходить в духе кротости, а не шантажа и крика. Христу не угодны семейные тираны.

Если христианка — жена, то она должна руководствоваться словами ап. Петра: «повинуйтесь своим мужьям, чтобы те, которые не покоряются слову, житием своих жен без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие» (1 Петр. 3, 1–2). Она должна молиться Богу о вразумлении супруга, подавая за него милостыню. Жена должна хорошо разбираться в отличиях христианства и ислама и быть готовой дать отчет в своей надежде (1 Петр. 3, 15).

Особое значение необходимо обратить на воспитание детей. Они должны быть обязательно крещены, вне зависимости от желания неверующего супруга, пусть даже и без его ведома. Надо обучать их слову Божию, причащать святых Христовых Таин и стараться знакомить с православными сверстниками. Ведь «худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15, 33). При этом нельзя настраивать ребенка против неверующего супруга. Недопустимо превращать христианство в повод для конфликта между мужем и женой. И мусульманина-отца, и исламистку — мать необходимо почитать в соответствии с 5 заповедью Закона Божия. Поэтому всякая попытка заставить ребенка поссориться с отцом или матерью — грех перед Богом. Однако же из факта почитания родителей никак не следует того, что надо уважать их заблуждение.

Но что делать, если брак этот не удаётся? А это весьма вероятно, учитывая разницу в представлениях о семье у христиан и мусульман. Тут надо помнить, что, в крайнем случае, допустим развод. Даже православные могут развестись, если была супружеская измена, а также грехи, угрожающие жизни и здоровью другого супруга (наркомания, алкоголизм, психическое заболевание, аборт против воли мужа).

Кроме всех этих причин в смешанных семьях, существует два других повода для развода. Это, во-первых, нежелание больше супругам жить вместе, а, во-вторых, принуждение к принятию ислама. Если же речь заходит о выборе между Богом и мужем, вопреки мнению «духовника», не может быть и речи о терпении (да и слова апостола (Рим. 14, 1; Рим. 15, 1) вовсе не относятся к иноверцам), а необходим развод. Как пишет свят. Феофан Затворник: «Если неверный муж не хочет жить с женою верною, а предлагает ей или возвратиться к прежнему нечестию, или оставить его, то, очевидно, что должно оставить такого мужа. Ибо о том, чтобы изменить вере и думать не следует, а оставаться с мужем при вере, наперекор ему, значило бы вводить намеренно разлад и ссоры в семью. Итак, говорит: мира ради оставляйте таковых мужей и жен; в таком случае вы свободны от ига брачного, не подработны ему». Также говорит и Златоуст: «если неверный повелевает тебе приносить жертвы и участвовать в

его нечестии по праву супружества или же оставить его, то лучше оставить брак, нежели благочестие. Если неверный ежедневно оскорбляет и заводит ссоры, то лучше разлучиться».

В чем отличие между христианством и исламом

Многие современные люди не видят разницы между исламом и христианством. Они говорят:

— Мы верим в единого Бога. Мусульмане также почитают Иисуса, Марию, пророков, а разница только в обряде. Это два пути к одному Богу.

Один такой деятель даже договорился до того, что заявил, будто о том, кто прав в споре христиан и мусульман, чья вера истинная, мы узнаем только за гробом. Но давайте посмотрим, так ли это? Ведь уже выше мы говорили, что мусульмане после смерти пойдут в ад. С чем же связан столь тяжкий приговор слова Божия, обращенный к последователям Магомета?

Действительно, в темноте все кошки серые. Но давайте обратимся к первоисточникам этих двух религий — Библии и Корану, — чтобы узнать, одному ли Богу служат христиане и мусульмане.

По Корану, христиане, которые сказали «Христос — Сын Божий», достойны отвращения: «Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены! ... Они желают затушить свет Аллаха своими устами, но Аллах не допускает иного, как только завершить свой свет, хотя бы ненавидели это многобожники» (Коран. 9; 30, 32).

Согласно Библии, «всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца» (1 Ин. 2, 23). Таким образом, для Библии (которую требует слушать Мухаммед — см. Коран. 2, 79 (85); 3, 2 (3)) мусульмане — это фактические безбожники. На них пребывал гнев Божий (Ин. 3, 36). Они ещё до Суда осуждены, ибо не уверовали во имя Единородного Сына Божия (Ин. 3, 18) и не чтят Отца, Пославшего Его (Ин. 5, 23).

Очевидно, что если священные книги так характеризуют представителей другой религии, то эти две веры просто не могут быть одинаковыми! Кто-то прав — или христиане, или мусульмане, — но никак не обе религии. И тут стоит учесть, что мусульмане формально признают Библию (хотя и считают ее искажённой), а христиане всегда отвергали Коран как запись ложного, бесовского пророчества Мухаммеда. Ведь форма получения Мухаммедом откровений не может быть истолкована иначе, чем беснование.

Сперва некий дух, представившийся позднее архангелом Гавриилом, является Мухаммеду как огромное существо, стоящее на горизонте, согнув одну ногу. Куда бы ни пытался отвернуться несчастный, он всегда оказывался перед ним. Затем этот дух набросился на Мухаммеда и стал душить его, навязывая ему некое откровение. Он говорил: «читай!», а тот отвечал: «я не умею». Но дух сдавил его так сильно, что Мухаммед подчинился и произнёс слова, которые стали первыми пятью аятами (стихами) 96 суры Корана. Когда второй раз Мухаммед увидел духа, то от ужаса он весь покрылся потом, и жена дала ему одеяло, чтоб тот не простудился. Так появилась 74 сура Корана. Разве хоть один из истинных пророков получал откровения так? Разве Творец будет мучить Своё творение? Так поступают только злые духи. Недаром многие замечали тождество призвания Мухаммеда с посвящением в шаманы.

Да и сам основатель ислама после этого видения решил, что в него вселился злой дух, и что он сошел с ума. И при этом дух не пытался даже разуверить его в этом. Он не успокаивал Мухаммеда, как это делали ангелы, являясь и Даниилу, и Захарии, и другим пророкам. Видимо, этому существу нравится пугать людей. Последующие откровения также несли на себе печать нездоровья и действия сил зла. Сам Мухаммед рассказывал: «иногда они приходят ко мне в форме звенящего колокола, и мне приходится очень тяжело; в конце концов, он прекращает звенеть, и я помню все, что мне сказали. Иногда ангел появляется передо мною и говорит, а я вспоминаю все, что он сказал» Айша (жена его) сказала: «Я была свидетелем, когда откровение пришло к нему в очень холодный день; когда оно прекратилось, весь его лоб был в испарине» (Ибн Саад. Табакаат. Т.1). Другие очевидцы говорили, что во время откровения лицо его становилось красным, он тяжело дышал, а потом освобождался от этого (Ас-Сахих ал-Бухари. Т.6.).

Православные отцы Церкви прекрасно знакомы с такими состояниями. Это прелесть, страшное самообольщение, сопровождающееся одержимостью злыми духами. Библия говорит, что «сам сатана принимает вид ангелов света, а потому невеликое дело, если и служители его принимают вид служителей правды» (2 Кор. 11, 14–15). Понятно, что плод действия падших ангелов никак не может быть совместим с истинным Откровением Творца. Тем более ясна для нас ложность Корана, если вспомнить слова Библии: «если даже ангел с небес стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8). А здесь именно так и было дело. Пришел к некоему некрещёному человеку (не защищенному от сил зла ничем) некий ангел, сказал, что он от Бога, и стал проповедать учение, противоречащее как Ветхому, так и Новому Завету. Тот же, не убедившись никак в подлинности посланничества своего учителя, по своей гордыне доверился ему, и так возник ислам! Разве можно иначе оценить это учение, нежели как оценивает его Церковь? И заметим, что мы опирались не на памфлеты врагов Мухаммеда, а на его собственные слова и свидетельства его друзей! Значит, никто не может упрекнуть нас в необъективности.

Но надо выяснить вопрос по существу: Аллах мусульман и Бог христиан — одно и то же Лицо или нет? Ведь не всякое существо, называющее себя Богом, является таковым. Разве многорукий Шива-разрушитель — Бог, хотя и называет себя таковым? Да, на разных языках истинный Бог называется по-разному. Да, имя «Аллах» — это форма общесемитского «Элохим» (от имени Бога-Творца). Действительно, в доисламской Аравии этим именем назывался Создатель мира. Но сейчас можем ли мы сказать, Аллах — Бог христиан, как часто говорят? Шпионы также часто прикрываются чужими именами, но их опознают как посланцев врага. Также посмотрим, не скрывается ли за прекрасным именем посланец врага? Ведь так уже бывало, когда возникло идолопоклонство. — Падшие духи выдавали себя за богов и требовали себе поклонения.

Первое очевидное отличие состоит в том, что православные верят: единый Бог существует в Трёх Личностях — Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого; это не Три Бога, а Один, потому что все Три Личности обладают одной сущностью, волей, властью, царством, и один Источник Божества — Отец (Мф. 28, 19). Аллах мусульман одинок, он не рождён и не рождён. Уже поэтому ясно, что верим мы в разных богов.

Если же мы сопоставим свойства Бога христиан и Аллаха, то увидим, что, конечно, эти существа совершенно отличны друг от друга, и нет никакой возможности их отождествить.

Согласно Корану, Аллах издевается над теми, кто не уверовал и усиливает их заблуждение (Коран. 2, 14 (15)). Он унёс их свет (Коран. 2, 16 (17)) и «сбивает с пути, кого захочет, и ведёт, кого хочет» (Коран. 35, 9 (8)). «Если бы Он захотел, они не предавали Ему сотоварищей» (Коран. 6, 107), но Он этого не делает, ибо «вводит в заблуждение Аллах, кого захочет, и ведёт прямым путем, кого захочет» (Коран. 74, 34). Таким образом, Аллах для мусульман, с одной стороны, — непосредственная причина всех поступков человека, и добра и зла, но при этом Он же и наказывает человека за то, что Он заставил его сделать. Безусловно, божество мусульман поступает абсолютно аморально и тиранически. Он «замышляет хитрость» (Коран. 86, 16), ибо «Аллах — лучший из всех хитрецов» (Коран. 47 (54)). «Он обманывает» (Коран. 4, 141 (142)). Он меняет Свою волю (Коран. 13, 39). Он не обладает всеведением (Коран. 3, 136 (142)).

Если мы сравним его с Богом христиан, то увидим их абсолютное отличие. Истинный Бог «не искушается злом, и Сам не искушает никого. Но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак. 1, 13–14). «Он твердыня; совершенны дела Его, и все пути Его праведны. Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен» (Втор. 32, 4), ибо Он свят (Пс. 98, 9). «Бог человеколюбивый и милостивый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий правду и милость» (Исх. 34, 6–7). Господь говорит: «не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и был жив» (Иез. 33, 11), потому что Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4).

У Него «нет изменения и тени перемены» (Иак. 1, 17), ибо «Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться Он ли скажет, и не сделает? Будет говорить, и не исполнит?» (Числ. 23, 19) Он «знает все» (1 Ин. 3, 20).

Как мы видим, Аллах мусульман — тиранический, неправедный, не всеведущий, хитрый, непостоянный. Он вовсе не похож на Бога христиан, Который есть Любовь (1Ин. 4, 8), святая, праведная, неизменная, всеведущая. Конечно, Аллах — это настоящий идол, построенный в уме Мухаммеда, пародия на Бога истинного. Естественно, что если мы не верим в одного и того же Бога, то религии эти несовместимы.

Как следствие этого, отличается и вера наша во Христа. Для православных Иисус Христос — это вечный Бог Сын, ставший человеком для нашего спасения. Он — Одна Личность, существующая в двух природах, истинный Бог и истинный Человек.

Для мусульман Иисус Христос — лишь один из пророков, отличавшийся от других только девственным рождением от Марии.

Главная слава христиан — вера в то, что своим распятием на Кресте Христос искупил нас от греха, проклятия и вечной смерти, и Своим тридневным воскресением Он дал воскресение и всем нам. Мы верим, что Христос в воскресшем Теле вознёсся на небо и восседает по правую сторону Отца, и как человек управляет вселенной. С небес Господь Иисус вернётся, чтобы воскресить всех умерших и судить всех по делам их.

Мусульмане считают, будто Христос не умер, но Аллах вознёс Его на одно из низших небес. Он никого не спас, и, вернувшись на Землю, должен будет умереть, хотя и будет потом участвовать в Суде над воскресшими. Для мусульман Мухаммед выше Иисуса Христа.

Христиане знают, что нетварная сила Святого Духа вливается в людей через Таинства, первое из которых — Крещение. Человек очищается от изначальной смерти, унаследованной от Адама и от всех личных грехов своих. Спасение совершается не заслугами человека, а благодатью Бога, которая дается в Таинствах, усваивается через веру и добрые дела. Человек преображается и становится сыном Бога по благодати.

Мусульмане считают состояние человека нормальным, и попасть в рай рассчитывают своими делами. Они отказались от Божьего дара — Крещения, и потому остаются в грехах своих. Никто не защищает их от дьявола, и единственный путь в Царство Божие они отвергли (Ин. 3, 5).

Христиане почитают Деву Марию как Богородицу, Небесную Царицу, высшую ангелов и архангелов. Она Заступница наша перед Богом, и её мы просим о помощи.

Мусульмане считают Деву Марию одной из пророчиц. По великому невежеству Мухаммед считал Её сестрой пророка Моисея, умершей за 1500 лет до Рождества Христова. Конечно, они не почитают Её Богородицей, ведь Христа они не считают Богом. Заступничество святых отрицается Кораном. И поэтому мусульмане не молятся Пречистой Деве, хотя на уровне пережитков христианства кое-где к Ней обращаются в болезнях.

Христиане почитают как величайших святых — мучеников, которые за имя Христа воскресшего шли на смерть, показывая этим силу Господа. Они — свидетели победы Сына Божия над смертью.

Мусульмане почитают как мучеников «шахидов», убивающих на священной войне, — тех, кто неверен, на их взгляд, Аллаху.

Христиане почитают святой Крест как жертвенник, на котором совершилось наше спасение. Крест — это меч, рассекающий сети дьявола, слава ангелов и победа над грехом. Мы освящаем крестным знаменем все, и так избегаем демонических козней.

Мусульмане отвергают животворящее Древо и считают его идолом. На завоёванных ими землях они часто заставляли христиан снимать Кресты с храмов. А вместо этого знака победы над сатаной они почитают черный камень в Мекке, считая его (по одной из версий их мифологии) окаменевшим ангелом.

Православные почитают иконы как свидетельство подлинности Боговоплощения, благодаря которому святые стали подобными Богу. Мы воздаём честь не дереву и краскам, а тем, кто изображен на них. Мы знаем, что Творец творит через святые образа множество чудес, показывая Свое благоволение к ним. Библия установила почитание икон еще в Ветхом Завете (Исх. 25, 18–22; 26, 31), и мы слушаемся голоса пророков.

Мусульмане хулят иконы, называя их идолами, хотя сами подобным же образом пытаются бесчестить Иблиса, бросая камни в сторону скалы.

Христиане послушны преемникам апостолов — епископов и священников, зная, что Дух Святой через них освящает православных. Они верят, что Христос, возглавляющий Свою Церковь Сам действует через священников.

Мусульмане, не имея общения с Творцом, гордятся, что у них нет священников, и потому они зависят от мнения ученых толкователей Корана. Нелепо поэтому считать, будто существует «правильный» или «неправильный» ислам. Если мусульмане соблюдают пять столпов, то они могут себя считать правильными.

Православные ждут небесного Царства, где праведники будут сиять как солнце. Они будут наслаждаться созерцанием Самого Творца, Который будет для них Отцом, а они — его детьми. Главное наша радость — в созерцании Бога и в соединении с Ним.

Мусульмане ждут грубо-материального рая, где их ожидают плотские наслаждения (в т. ч. эстетического, «гастрономического» и «сексуального» свойства). Всякая возможность соединения с Творцом яростно отвергается мусульманами, кроме суфиев. Но и они считают, что человек, встретившись с Богом, сам исчезает и растворяется в Нем.

Разве столь противоположные религии быть «двумя путями к одной вершине», как говорят многие? Нет, тут необходимо сделать выбор между Откровением Самого Бога, ставшего Человеком и спасшего нас Своей Кровью и откровением некоего духа, ничего не давшего своим адептам, кроме возвращения под гнёт внешнего Закона.

Как проповедать мусульманину Христа

Первое, что надо помнить — это то, что ко Христу без помощи Бога Отца обратиться нельзя. Сам Господь сказал: «никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Ин. 6, 44). Поэтому без молитвы тут обойтись нельзя. Сам Дух Святой, привлечённый молитвой, может размягчить гордое упорство сердца, захваченного древним врагом. Всякая надежда на свои силы приведёт лишь к разочарованию.

Второе: мы должны помнить, что наша главная задача не в том, чтобы обличать исламские заблуждения, а в том, чтобы засвидетельствовать Евангелие Спасителя и этому человеку. Нам Христос не повелевал «доставать пилением» всех несогласных. Апостол Петр повелевает: «будьте всегда готовы всякому, требующему отчета у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Петр. 3, 15).

Даже апостолам было велено, в случае неприятия проповеди, удалиться из города (Лк. 9, 5). Мы должны быть лишь вестниками Бога, а если весть отвергнута, то время действовать Самому Богу. От нас зависит, бросим ли мы семя слова Божия, а куда оно попадёт — на дорогу, камни, терние или добрую почву, — не наше дело. Апостол Павел твёрдо повелевает: «еретика, после первого и второго вразумления, отвращаться, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит 3, 10–11). Но, конечно, речь идёт здесь о таком человеке, который, не желая узнать истину, в ожесточении отвергает Благовестие и предаётся бессмысленным спорам. Тот же, кто искренне желает узнать правду, но ещё не всё понимает, заслуживает постоянного внимания.

Лучше всего просто рассказать мусульманину о Христе Спасителе, Его чудесах, Крестной Жертве, Славном Воскресенье и Грядущем Суде. Практика показывает, что смиренная передача Откровения зачастую даёт куда больше, чем самая изощрённая полемика. Ведь в первом случае мы просто являемся устами Самого Бога. Очень хорошо дать мусульманину прочитать Новый Завет. Ведь подавляющее большинство мусульман пребывают в глубочайшем невежестве по поводу того, что касается истинного Откровения. Поистине дьявол ослепил глаза и сердца множества народов! Если это необходимо, должно использовать не русский текст, а перевод на национальный язык собеседника (такие тексты можно найти в Москве, в Институте Перевода Библии). Так мы покажем, что, принимая Православие, мусульманин вовсе не становится русским. Ведь для многих ислам — просто знак их национальной идентичности. А Православная Церковь — сверхнациональна. Она — это новый народ Бога, собираемый из всех наций Земли.

Если же заходит речь о различии между исламом и христианством, то перед началом разговора нужно выяснить, как человек относится к Православию. Если человек положительно относится к Церкви, то таким людям нужно показать, что ислам и христианство несовместимы, как мы показали выше. Но при этом ислам проигрывает христианству и с точки зрения представлений о Боге и не даёт никаких твёрдых путей к очищению от реального греха, разъедающего каждого человека.

При этом совершенно бессмысленно заводить разговор о личной нравственности, поскольку это будет просто бессмысленным словопрением, типа: «а у вас „там“ много жён можно — зато у вас „там“, якобы, епископы нехорошими делами занимаются». Хотя иногда полезным бывает упоминание о том, что большинство террористических актов совершают исламские фанатики. Но чаще упоминание об этом приводит к раздражению собеседника.

Если уж касаться этого (а в России сейчас тему эту не обойдешь), то лучше обсуждать не вопрос вероисповедания террористов («правильные» они мусульмане или нет), а соответствующие стихи Корана, санкционирующие убийства: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих! И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убиение!.. И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху» (Сура 2, аяты 186, 187, 189). Пусть мусульманин прокомментирует эти слова. Спросите его: «разве может Творец призывать к всеобщей междоусобице? Разве Ему угодно, чтобы верили в Него под дулом автомата?»

После этого нужно сопоставить исламское учение об одиночестве Бога и христианское учение о Боге-Любви-Троице. В разговоре с мусульманами нужно особенно подчеркнуть, что рождение Сына и исхождение Духа не есть временной акт, не есть акт телесный. Это подчеркнуть надо обязательно, иначе будут возникать совершенно неверные представления. Ведь мусульмане всерьез считают, будто мы верим, что Иисус — Сын Бога в том смысле, что Он появился в результате плотского сожителства Аллаха и Девы Марии. Конечно, мы отвергаем такую глупость, и никто никогда так не верил.

Лучше Бога Сына называть Словом и от этого переходить к рождению: иными словами, как наш ум порождает слово, так и Ум Отец в вечности рождает Слово. Следовательно, мы можем назвать Слово Бога Его Порождением.

В качестве примера разговора могу привести один из диалогов, который мне приходилось проводить с ваххабитом: — Вы надеетесь, что вас спасет человек Иисус, а нас спасает Сам Аллах, — говорил мусульманин.

— Давайте разберемся, — отвечал я. — Аллах в вечности — существо словесное или бессловесное?

— Конечно, словесное, — сказал мой собеседник. (Иначе ему пришлось бы приравнять Аллаха к зверям).

— У Аллаха есть ли хоть одна бессловесная сила? — далее спросил я.

— Конечно, нет. Все Его силы словесные, — ответил мне оппонент.

— Аллах спасает вас силой или бессилием? — спросил дальше я.

— Очевидно, что силой.

— Словесной?

— Да.

— А согласно Корану, Кто является Словом Аллаха?

— Иисус Мессия (сура 3, аят 40 (45)), — в недоумении ответил собеседник.

— Значит, спасение Бог даёт через Иисуса Христа, и другого пути нет. Сам Христос именно так и говорил: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6).

Так можно показать, что спасение возможно только через Христа, через следование Его заповедям, нарушаемым мусульманами — Крещение, православную веру, другие Таинства, послушание Церкви.

Можно рассмотреть, какой Бог более справедлив. Справедливость Бога признаётся и в исламе, и в Православии, поэтому данный факт удобно взять как отправную точку. С точки зрения Евангелия каким образом Бог решает вопрос справедливости? Бог никогда не примирится со злом, но Он это зло берёт на Себя. Во Христе встретились и праведность, и милосердие Божие. По справедливости грех был наказан, а по милосердию это наказание добровольно принял на Себя невиновный — Сам Бог. А теперь посмотрим на Аллаха. Что Аллах говорит? Он говорит в Коране, что, «если бы я захотел, то сделал бы так, что не было бы никого из заблуждающихся». Но дальше он говорит: «я сбиваю с пути и я заставляю делать добро», — то есть заставляет делать и добро и зло. Но это ещё не всё; если бы этим всё ограничивалось, то было бы ещё более-менее понятно: ну, захотел Бог сделать марионеток... Но потом ведь он делает вид, будто они отвечают за свои поступки, и затем каждому воздаёт по делам их в День Суда. Разве это справедливость? Здесь и тени справедливости нет! И это режет слух каждого мусульманина, которого спрашивают напрямую.

Далее, нужно предложить сопоставить по ощущениям: вот Вы лично чувствуете свободу? Вы знаете, что есть добрые и злые поступки? — они предполагают свободу, без которой они не будут ни добрыми, ни злыми. Это всё очевидные вещи: в практической жизни мы всегда исходим из этого. Коран же отрицает свободу воли. Значит, Коран есть ложь.

После этого нужно коснуться вопроса самого Корана. Коран предполагает признаком своей проверки отсутствие противоречий, но противоречий там весьма много. («Разве они не размышлят о Коране? — говорит он. — Ведь если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы там много противоречий» (4; 84)). Значит, согласно критериям самого Корана, он не богодухновенен.

Далее, Коран не даёт никаких пророчеств. Коран не даёт никаких свидетельств своей истинности, он только запугивает. Но, простите, заявления, что «если ты мне не поверишь, то я тебя в огне сожгу и в рот железа налью» — это не аргументация. К тому же, Коран здесь не оригинален — такой же аргументации придерживается и Сёко Асахара, и Мун, и многие другие. Христос же говорил равно наоборот: если вы Мне не верите, верьте делам Моим, и тогда поймёте, что Я в Отце и Отец во Мне (Ин. 14, 11). Смотрите, Господь не говорит: верьте Мне просто так. И мы видим эти дела: на сбывающихся пророчествах, чему свидетелями являемся мы в наши дни, на множестве грешников, прекращающих злодеяния, на больных, ежегодно исцеляющихся в Церкви. Коран же не даёт ни одного предсказания на будущее, которое бы исполнилось несколько веков спустя, и это было бы очевидно.

И, наконец, совершенно необходимо коснуться вопроса: «Что же даст вам Христос такого, чего не дал Мухаммед?»

Отвечаем мы на него так:

— Господь и Бог наш Иисус Христос даст вам вечную жизнь, уже сейчас действующую в наших сердцах. Он даст вам прощение грехов — не достигаемое самовнушением, а вполне осязаемое ощущением совести. Он даст вам

увидеть в Боге не далекого Властелина, а любящего Отца, Который ежесекундно заботится о нас. Он откроет в ваших сердцах источник силы Святого Духа, перед которой не смогут устоять никакие противники. Он повлечёт вас за пределы Вселенной. И приведёт Он не к тленным и плотским удовольствиям выдуманного Мухаммедом рая, а к сверхмирной радости Богообщения. Она не выразима человеческим языком, не зрима плотскими глазами и не представима самым гениальным умом, но уже сейчас ощущается верными, когда они верны законам Бога.

Он сделает вас из смертных людей богоподобными сыновьями и дочерьми Бога. Он Сам омоет вас Своей собственной кровью и поселится в ваших сердцах вместе со Своим Отцом и Святым Духом, а что может быть выше этого! Разве это может дать вам лжепророк, не знавший, что его ждёт (Коран. 46, 8) и который сам был из числа сомневающихся (Коран. 6, 114)? Конечно, нет. Так не глупо ли из-за национальных или иных предрассудков отходить от верного слова Господня, подтверждённого многими знаменами и чудесами и доселе совершающимися в Православной Церкви, и выбирать ни на чём не основанное заблуждение?

Пусть они возвратятся к бессмертному Отцу. Зачем им умирать вечной смертью в своём заблуждении? Зачем верить Мухаммеду, который сам говорил: «я не знаю ни того, что сделает Он (Бог) со мною, ни того, что — с вами» (Коран. 46, 8). «Я не говорю вам, что у меня сокровища Божии, ни того, что знаю тайное» (Коран. 6, 50. 11, 33), — и не верить Иисусу Христу, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3), говорящему: «Все Мне предано Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца никто не знает, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27)? Христос знает всё — и прошлое, и будущее. Он Начало и Конец Творения (Апок. 1, 10). Зачем же мусульмане не слушают Его, хотя и знают, что именно Он будет судить их в Последний День?

Мухаммед никого не воскресил от телесной смерти, не избавил никого от греха — этой гибели духа. Он умер, и верить в него бессмысленно, как и сказал Абу Бакр в день его смерти: «если кто верил в Мухаммеда, то знайте, что он мёртв, а кто верил в Бога — знайте, что Он не умрет никогда». Так вот, этот Самый Бессмертный Бог повелевает делать единственное доброе дело — «чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6, 29) — Иисуса Христа, единокровное Слово Его, и кто мы такие, чтобы противиться воле Создателя.

К всякой душе взывает Бог, поя Свою чудотворную песнь: «Услышь, дочь Моя — душа, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему» (Пс. 44, 11–12).

Но сейчас время привести разбор наиболее часто встречающихся возражений против христианства, выдвигаемых мусульманами.

Ответы на наиболее часто задаваемые мусульманами вопросы

Вопрос: «В разделе „Святые Отцы об исламе“ я нашёл „интереснейший диалог“ преп. Иоанна Дамаскина О беседе христианина и сарацина, где было доказано сарацину(?), что только добро от Бога, а зло создаёт сам человек. Одна из шести составляющих акиды (исламского вероучения) называется: „Вера в предопределение“: Право выбора своих действий. Если человек примет решение и приложит усилие для хорошего поступка, то Всевышний Аллах создаст это. Решит человек совершить недолжное и приложит к этому усилие, Всевышний создаст и это, но человек за это ответит как за выбор своего действия и приложенного труда. Но нужно помнить, что создателем всего является только Аллах (хвала Ему — Всевышнему). Если не пожелает Всевышний Аллах, то и не будет ничего создано. Да, Он создал, но создал по выбору определённых действий своего раба. Всевышнему нет необходимости заставлять нас совершать греховные поступки, а потом привлекать нас к суду за это. Это абсурд. Он выше этого.

Мне интересна точка зрения Православия на этот вопрос (разумеется, основанная на Евангелии, а не только на мнении святых отцов). По поводу „вопроса дня“ (Доктрина божественности Иисуса, мир ему). Принимая во внимание: „Слово рождается вечно от Бога и потому называется Его Сыном (Ин. 1), мы можем сказать, что все пророки, посланные ранее со словом Господа, имеют право называться Его сыном наравне с Иисусом (мир ему).

Почему вы не упоминаете других, которые тоже были наполнены Святым Духом? Посмотрите Деяния (11:24): „Ибо он (Варнава) был муж добрый и исполненный Духа Святого и веры. И приложилось довольно народа к Господу“. Например, подобно Иисусу (мир ему), Иоанн, сын Захарии был исполнен святого духа еще во чреве матери. Прочитайте Евангелие от Луки: „Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елизавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн;.. Ибо он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей“.

И говорил ли когда нибудь в Евангелии святой пророк Иисус (мир ему), что он Бог или: „Я Господь и поклоняйтесь мне и возносите мольбы матери моей“? Никогда! Он был послан Аллахом (Свят Он и Велик), как пророк и великая милость для людей, чтобы указать им путь к спасению.

Мне же достаточно для доказательства Корана: Во имя Аллаха Милостивого Милосердного. Скажи: Он — Аллах — Един Аллах, Вечный не родил Он и не был рожден и не был Ему равным ни один. (Сура 112.)“»

Ответим по порядку:

1. О Божественном Предопределении Православная Церковь, основываясь на свящ. Писании, учит следующим образом: «Веруем, что всеблагий Бог предопределил к славе тех, которых избрал от вечности; а которых отвергнул, тех предал осуждению, не потому, впрочем, чтобы Он восхотел таким образом одних оправдать, а других оставить и осудить без причины; ибо это несвойственно Богу, общему всех и нелицеприятному Отцу, Который хочет всем

человекам спастись и в познание истины прийти (1 Тим. 2, 4), но поелику Он предвидел, что одни будут хорошо пользоваться своею свободной волею, а другие худо; то посему одних предопределил к славе, а других осудил. О употреблении же свободы мы рассуждаем следующим образом: поелику благодать Божия даровала Божественную и просвещающую благодать, называемую нами также предваряющею, которая, подобно свету, просвещающему ходящих во тьме, путеводит всех; то желающие свободно покоряться ей (ибо она споспешествует ищущим ее, а не противящимся ей) и исполнять ее повеления, необходимо нужные для спасения, получают посему и особенную благодать, которая, содействуя, укрепляя и постоянно совершенствуя их в любви Божией, т. е. в тех благих делах, которые требует от нас Бог (и которых требовала также предваряющая благодать), оправдывает их и делает предопределёнными; те, напротив, которые не хотят повиноваться и следовать благодати и потому не соблюдают заповедей Божиих, но, следуя внушениям сатаны, злоупотребляют своею свободой, данной им от Бога с тем, чтобы они произвольно делали добро — предаются вечному осуждению.

Но что говорят богохульные еретики, будто Бог предопределяет или осуждает, ни сколько не взирая на дела предопределяемых или осуждаемых, — это мы почитаем безумием и нечестьем; ибо в таком случае Писание противоречило бы само себе. Оно учит, что всякий верующий спасается верою и делами своими, и вместе с тем представляет Бога единственным виновником нашего спасения, поелику то есть Он предварительно подает просвещающую благодать, которая доставляет человеку познание Божественной истины и учит его сообразоваться с нею (если он не противится) и делать добро, угодное Богу, дабы получить спасение, не уничтожая свободной воли человека, но предоставляя ей повиноваться или не повиноваться ее действию. Не безумно ли после сего без всякого основания утверждать, что Божественное хотение есть вина несчастья осужденных? Не значит ли это произносить страшную клевету на Бога? Не значит ли это изрекать ужасную несправедливость и хулу на небо? Бог непричастен никакому злу, равно желает спасения всем, у Него нет места лицепритию; почему мы исповедуем, что Он справедливо предаёт осуждению тех, которые остаются в нечестии по развращенной своей воле и нераскаянному сердцу. Но никогда, никогда не называли и не назовем виновником вечного наказания и мучений, как бы человеконенавистным, Бога, Который Сам изрек, что радость бывает на небе о едином грешнике кающемся. Верить таким образом или мыслить мы не дерзнем никогда, доколе имеем сознание; и тех, которые так говорят и думают, мы предаем вечной анафеме и признаем худшими всех неверных» (Послание Восточных Патриархов 1723 г.).

Что же касается исламского учения о предопределении в Вашем изложении, то оно богохульно. Вы пишете: «Решит человек совершить недолжное и приложит к этому усилие, Всевышний создаст и это, но человек за это ответит, как за выбор своего действия и приложенного труда. Но нужно помнить, что создателем всего является только Аллах (хвала Ему Всевышнему). Если не пожелает Всевышний Аллах, то и не будет ничего создано. Да, Он создал, но создал по выбору определенных действий своего раба». Но в таком случае Аллах является прямым соучастником всех преступлений мира. Его роль подобна роли киллера, исполняющего волю заказчика преступления. Это явное отвержение самого понятия о Боге как существе благом (не говорю уже — как о Всеблагом). Истинное Откровение Божие говорит: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5); «В искушении никто не говори: „Бог меня искушает“; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого» (Иак. 1, 13).

Более того, позиция автора внутренне противоречива. Он утверждает, что «<...> создателем всего является только Аллах», а значит, он является создателем и самого акта выбора, но при этом утверждает, что Аллах «создал по выбору определённых действий своего раба», каждое из которых создал сам же Аллах. Очевидно, что при такой постановке вопроса места для свободы воли не остается никакого, а значит, Аллах является настоящим несправедливым тираном, заставляющим делать зло и за него наказывающим.

С другой стороны, Ваша позиция противоречит букве Корана (а ведь Вы отвергаете толкование Библии и, значит, не должны толковать и Коран). Согласно этой книге, «если Аллах коснётся тебя злом, то нет избавителя от этого, кроме него» (Сура 11, 107), а значит, сам Аллах делает зло. И в совершении самого тяжелого греха виновен также Аллах: «Если бы не захотел Аллах, они не придавали бы ему сотоварищей» (Сура. 6, 107), «И так Мы всякому пророку устроили врагов — шайтанов из людей и джинов... А если бы пожелал Господь твой, они бы этого не делали» (Сура 6, 112). Исходя из буквы приписываемого Аллаху текста, мы видим, что и добро, и зло — одинаково от Аллаха, что тем самым лишает эти понятия реального смысла, ибо для христиан добро — свободное следование воле Божией, а зло — свободное ей противление.

2. Божественность Иисуса заключается в том, что Он — не просто пророк, посланный со Словом Божиим, а Само Слово Бога, бывшее в начале у Бога и являющееся Богом (Ин. 1, 1–2). Кстати, тот факт, что Иисус есть Слово, признаёт и Коран, хотя и неправильно толкует (Сура 3, 40 (45)). Поэтому всякое сравнение пророка и Христа неуместно. Иисус — Единородный Сын Бога (Ин. 1, 18), а пророки могут быть сынами только по усыновлению (Ин. 1, 12–13).

Вы спрашиваете: «говорил ли когда-нибудь в Евангелии святой пророк Иисус (мир ему), что он Бог» или: «Я Господь, и поклоняйтесь мне, и возносите мольбы матери моей»? Сам Иисус Христос говорил, что Он — «от начала Суший» (Ин. 8, 25), «Альфа и Омега, Начало и Конец, Первый и Последний» (Апок. 22, 13). Он требовал веры в Себя, как и в Отца (Ин. 14, 1), и говорил, что, «кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» (Ин. 5, 23), а кто не принимает Его (как, например, мусульмане) у тех отец — диавол (Ин. 8, 44). Если это не свидетельства Божественности, тогда я просто не представляю себе, какие же должны быть свидетельства! Господь Иисус неоднократно принимал и поклонение (Мф. 28, 17; Ин. 10, 38), и служение (причём, служили Ему не люди, а ангелы — Мк. 1, 13), и то, что Его называли Господом (Ин. 10, 38), и Сам Себя называл Господом (Мф. 7, 21).

Приснодеву Марию, Богородицу, мы, конечно, не считаем богиней, но, во исполнение пророчества Ей изреченного (Лк. 1. 48), ублажаем Ее и просим Ее молить за нас Бога.

3. Что же касается ваших слов: «Мне же достаточно для доказательства Корана», то они показывают то, что ваша вера слепа и основана не на твёрдом основании Истины, а на принципе порочного круга: «Коран прав, потому что он сам так сказал!»

Вопрос: «Я никак не могу понять сущность Бога-Троицы и Богочеловека.

С человеком всё понятно: есть человеческая Личность с присущей ее волей сознания, и есть человеческая природа с присущей ее „волей“ инстинктов.

В Троице воля является атрибутом не Лиц, а природы (из Катехизиса о. Давыденкова почерпнул) Это что — безличная сила?

В Богочеловеке одно Лицо (единое с двумя Другими), но две воли. Какие? Получается, что воля (природы) Единой Троицы (Сын Божий собственной воли не имеет) и „воля“ человеческих инстинктов (человеческая Личность в сущности Богочеловека также отсутствует)? Так ли это? Судя по контексту Нового Завета, Христос действует как Личность, а не безличная природа. Или Его личность сама по себе, а действия тоже сами по себе, независимо от Лица, исходят из сущности Троицы и человека.

И как это может быть — Личность и без воли. Бред какой-то. А личность с двумя волями — это же шизофрения. Это я на свой счёт.

Короче, запутался совсем».

Ответ очень прост. Личность не есть сознание. Здесь корень Вашей ошибки. Природа человека — это то, что является общим для всех нас: быть разумным, смертным, общественным, словесным живым существом — это определение именно нашей природы.

Божественная природа общая для всех Трёх Личностей — это сущность духовная, всемогущая, вездесущая, всеведущая, всеблагая, святая.

Каждая из природ имеет свойственное каждой действие. Божество поддерживает мир, наказывает грех, награждает праведников. Человек думает, ест, пьёт и т. п.

Но Природа существует только в конкретных Личностях или Ипостасях, которые ей владеют. Поэтому природные действия и различны у существ одной природы. Одни люди воруют, другие дают милостыню, хотя природа у них одна. Разница в том, как природную волю, природное желание (мысли, голод и т. п.) личность реализует.

Христос — это Вторая Личность Бога Троицы, существующая в двух природах. Каждая из природ имеет своё желание (волю), которая реализуется Одной Личностью. Какая же здесь шизофрения? Только не думайте, что Личность — это сознание, ведь даже когда у нас болит голова, мы говорим: «я болею», а не болеет принадлежащая мне голова, хотя последнее и правильно.

Вопрос: «Мой муж-мусульманин задал мне вопрос, на который я не смогла ответить. Не могли бы Вы помочь? Он спрашивает, как можно доверять Новому Завету, если он был написан не при жизни Иисуса, если было много повествований, написанных многими людьми, и эти повествования не всегда, возможно, соответствовали действительности. И почему, на каком основании, по каким критериям были отобраны повествования, которые вошли в Новый Завет? Почему Евангелий именно четыре? Как могли люди решать, что войдёт в Священное Писание, а что нет?».

Ответить достаточно просто. Евангелия написаны ближайшими учениками Христа в течение ближайших десятилетий после Его Вознесения на небо. Причем, вдохновлял их на этот труд Сам Дух Святой, сошедший на них в виде огненных языков. Его присутствие в них очевидным образом проявлялось через бесчисленные чудеса, признаваемые и врагами. (Ссылки на них есть в еврейском Талмуде). Церковь, руководимая этим же Духом, отобрала именно эти четыре Евангелия, потому что знала их аутентичность. Полное согласие христиан по поводу Евангелий было достигнуто уже ко 2 веку, при жизни непосредственных учеников апостолов, в результате того, что были собраны точные сведения, кто являлся автором того или другого текста.

Иные повествования (апокрифы), очевидно, фантастичны и появились гораздо позже, что признаёт и беспристрастная критика, и сообщения многочисленных свидетелей апостольской проповеди и жизни Самого Христа.

Мусульманину можно сказать, что Коран признаёт Евангелие Божьим Откровением и нигде не упоминает об их искажении. Ко времени Мухаммеда общепринятыми были именно эти 4 Евангелия. Кстати, непонятно, почему мусульмане доверяют своему Корану? Он приобрёл окончательный вид только спустя 70 лет, причём с помощью тех людей, которые, по их собственному убеждению, не имели Духа Святого, — отсюда и отсутствие чудес в Коране.

Вопрос: «Здравствуйте! Мой знакомый Хасан — мусульманин. После долгого нашего знакомства он решил почитать Евангелие. Он часто задаёт мне вопросы, на которые я не в состоянии ответить. Вот один из них: Почему Иисус перед Своей смертью воскликнул „Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?“ Ответьте, пожалуйста, так, как если бы Вы объясняли это напрямую Хасану. Дело в том, что именно это фраза убеждает его в том, что правда — в Исламе. Что Иисус был взят на небо, а вместо него распяли Иуду. Тогда это фраза вполне логична. Ведь ни один пророк, когда умирал, выполняя волю Божию, не чувствовал себя оставленным Богом. И тем более не должен бы чувствовать себя так Сын Божий в такой ситуации».

Ответ: Христос является Искупителем за грехи людей и заместительной Жертвой за них. И именно как Представитель всех грешников, от их лица Он и воскликнул эти страшные слова, чувствуя тяжесть проклятия Божия, лежащего на грешном человечестве.

Не понимаю, как из этой фразы можно вывести взятие Иисуса на небо? Ведь весь текст очевидно говорит, что распят и умер именно Христос. И умер Он не как Праведник, казнённый злодеями, а как чистая Жертва за грех людей. Поэтому и смерть Христа отличалась смерти пророков, потому что Он не был просто пророком, а Искупителем, Единственным Посредником между Богом и людьми, Богом и Человеком.

Вопрос: «Нередко можно видеть внутренние дрязги, междоусобные войны священников, обвинение друг друга в сионизме, гомосексуализме, протестантизме и всякой ереси; весьма распространено пристрастие к горячительным напиткам среди церковного клира — разве это не означает, что Церковь — не Столп и Утверждение Истины, а собрание грешников, бессильных в борьбе с грехом? Как может прийти к Богу человек, если его ведут такие „пастыри“?»

Это утверждение сравнимо с отказом от медицинской помощи по причине корыстолюбия современной медицины. Гораздо более очевидна финансовая заинтересованность врачей, как в этом убеждаются все попавшие в больницу. Но почему-то из-за этого люди не отказываются от медицины. А когда речь идет о куда более важном здоровье души, то вспоминают все были и небылицы, лишь бы не идти в церковь.

Касается это и обвинений в «голубизне», стукачестве, пьянстве и подобном. В 90 % случаях это просто клевета, но даже если в данном, редчайшем случае это и правда, так спроси себя, откуда берутся священники? — Из этого мира, где люди разврат считают нормой, миллионы граждан работали на КГБ, и при этом они же громче всех и обвиняют нас в своих же грехах. У нас, если человек и сделал это — он стыдится своего зла, кается; в случае же, когда об этом узнаёт архиерей, чаще всего такого человека устраняют от священного сана. А в миру подобные вещи — чуть ли не предмет гордости. Да и что тебе до того, каков священник? Ты ведь пришёл не к нему, а к Богу. А Он Своих слов не меняет из-за грехов человеческих. Святой Григорий Богослов говорит: «Вот есть у тебя две печатки, — одна золотая, а другая железная, но с одинаковым изображением. Сможешь ли ты найти разницу в восковом оттиске?» Точно так же и в этом случае: какая бы ни была жизнь священника, пока он в Церкви и не лишён сана, то все священнодействия совершаются независимо от его праведности или грешности. Другое дело, если перед нами самозванец или человек, лишенный сана: никакой силы его таинства иметь не будут, ибо он ушёл из Церкви, Которая есть Тело Христово.

Был такой случай. Один монах жил в пустыне, и к нему ходил его причащать священник. И вот однажды он услышал, что причащающий его священник блудит. И тогда он отказался у него причащаться. И в эту же ночь он увидел откровение. Он увидел, что стоит золотой колодец с хрустальной водой, и из него, золотым же ведром, черпает воду прокажённый. И голос Бога сказал: «Видишь, как вода остается чистой, хоть и даёт ее прокажённый, так и благодать не зависит от того, через кого она подаётся». И после этого пустынный вновь стал причащаться у иерея, не рассуждая, праведен он или грешен. Как сказал один мудрец, ток идет как по чистому, так и по ржавому проводу, лишь бы провод этот не был порван.

Так что, и это возражение имеет под собой гнилую основу и не даёт оправдания в нежелании исполнить заповедь Господа. Ведь если грешный священник даст ответ за себя Творцу, то и тебе его не избежать. И вряд ли тебе помогут кивки на нехороший пример, который был у тебя перед глазами. Бог скажет: «Он уже ответил за себя, а ты почему не послушал Меня? Или ты считаешь, что Я нарушу Своё слово из-за подлости другого, тогда как так не поступают даже порядочные люди?» И что ты ответишь Ему?

А что касается Церкви, то если бы все было так, как описывают, то Она не вынесла бы страшных гонений безбожников. Но Она живёт и приносит плоды. Да, в ней появляются и еретики, и Она с ними борется. Но ведь это признак как раз живого организма. Только труп находится в полной гармонии с окружающей средой, а в Церкви всякое зло вытесняется внутренним иммунитетом Святого Духа. И как раз этот признак жизни и верности Истине почему-то ставят Ей в упрек! Наоборот, раз внутри Церкви идет борьба за изначальную Истину, значит, в Ней она и сохранилась. Иначе за что было бы и бороться?

Вопрос: «Христианское общество уже давно погрязло в языческих суевериях, христиане нарушают заповеди самого Христа, и в итоге мы имеем тотальное пьянство, неверие, распространение множества сект импортного производства; разве это не свидетельство того, что христианство не способно изменить человека и помочь ему на деле, своей жизнью отказаться от греха?»

Ответ содержится в вопросе. Если большинство номинальных христиан — реально язычники, то как можно ждать, что Церковь исцелит их грехи, если в Неё они и не ходят? Как врачи не могут помочь тем, кто их не вызывает, и тут нет вины медицины, так и христианство не способно дать ничего тому, кто ни во что не верит и не желает исполнять его законов. Правомерно было бы обвинять христианство, если бы человек, живущий по заповедям Бога и правилам Церкви, всё больше и больше деградировал. Но ведь на практике происходит все наоборот!

Вопрос: «По какому праву священники решают от имени Бога, кому отпустить грехи, а кому нет, и занимают посредническое место между простым верующим и Всевышним?»

Ответ: По Божественному праву. Сам Бог дал власть апостолам — власть вязать и решить. Христос сказал им: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 22–23). А мы смиренно следуем словам Творца, помня, что и над нами есть Судья. А посреднического места священники не занимают. У нас один Посредник — Иисус Христос (1 Тим. 2, 5), через Которого мы получили доступ к Богу и даже можем, благодаря усыновлению, называть Его Отцом. Поэтому любой верующий непосредственно через Христа может и должен общаться с Богом. Всё это совершенно невозможно в исламе, где нет очищения греха, нет единства с Творцом, а есть только сухая покорность перед далёким Властителем.

Вопрос: «Считается ли принятие ислама грехом?»

Ответ: Принятие другого исповедания является тяжелейшим преступлением против Бога, если это исповедание — не православное христианство, основанное на Божественном Откровении. Господь сказал: «кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим небесным» (Мф. 10, 33). Отказ от Православия — это отречение от Христа, от Его спасения, это предательство Иуды. Стоит ли отвергать Бога из-за временной влюблённости, которая на земле обычно кончается великим горем (так говорит опыт, ведь Бог карает предателей), а за гробом отступника ждет вечный огонь?

Вопрос: «Не является ли ислам более прогрессивной религией потому, что он моложе христианства?»

Ответ: Вряд ли можно считать, будто совершенная Истина может как-то быть связана со временем. Если бы мы, подобно индуистам, отвергали Личность Божества, тогда вполне можно было предполагать, будто Откровение вполне неисчерпаемо, и дальше нас ждёт ещё более великое самовыявление Божества. Но при условии признания личности Создателя мы вправе утверждать, что Его Откровение может быть завершено в определённое время, которое, таким образом, станет «последним» не в смысле того, что после него река времён иссякнет, а в смысле того, что Реальность, открывшаяся в нём, выводит тех, кто принял ее за пределы Вселенной, и потому уже не может быть улучшена. Ведь вечность не подвластна ни переменам, ни прогрессу. Истинное Писание говорит, что «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил» (Евр. 1, 1–2). Господь Иисус ясно сказал, что только через Него мы можем обрести вход к Богу Отцу (Ин. 14, 6), и потому всякие попытки после этого выдать Его за чьего-то предшественника просто лживы и ведут к вечной смерти поверивших им.

Любопытно, что и Мухаммед также не поддержал бы мнения своих последователей, ибо он также утверждал, что он, Мухаммед, — печать пророков, что также выделяет его время из числа всех других времён. Но здесь возникает вопрос: «насколько оправданно это выделение?» Ведь он сам вовсе не претендовал на то, что он — Бог, а раз так, то нет у нас никаких гарантий, что на место его Аллах не пошлёт кого-то другого. Ведь Коран сам, добровольно, признаёт, что некоторые из его писаний были заменены другими. В Суре 16:101 читаем: «А когда мы заменяем одно знамение другим, — ведь Аллах лучше знает, что Он ниспосылает, — они говорят: „Ты — только измыслитель!“ Да, большинство их знает!». Ещё яснее это сказано в Суре 2:106: «Всякий раз, как мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него. Разве ты не знаешь, что Аллах над всякой вещью мощен?» Это явно означает, что Аллах имеет право менять своё мнение или даже противоречить Самому Себе. А раз это так, то у мусульман нет никаких гарантий, что их весьма ненадежный «бог» не поменяет и этого решения.

Да и с точки зрения разума, все аргументы в пользу того, что именно Мухаммед — последнее откровение Бога — весьма слабы. Недаром шииты попытались восполнить этот недостаток, введя институт имамов, из которых последний или скрылся, или должен снова прийти. Ведь если опираться на логику (на верность которой так часто присягают новообращённые мусульмане), то где свидетельства того, что истинное учение Аллаха не забыто сейчас в XXI веке? Ислам ныне расколот на десятки направлений, каждое из которых считает себя единственно правильным. У них нет единой традиции понимания Корана. Большинство т. н. «этнических мусульман» погрязло в язычестве. А раз так, то где гарантии того, что не потребуется еще один «обновитель Откровения»? Ведь и во времена Мухаммеда, по свидетельству Корана, существовали общины ханифов, которые придерживались традиции единобожия, но это не помешало тому, кто выдал себя за Аллаха, послать нового пророка. Так что, вера мусульман основана на не заслуживающем доверия фундаменте.

Другое дело христианство. Да, существуют сотни различных направлений, именующих себя христианскими, но разница между нами и мусульманами заключается в том, что если мусульмане — люди Книги, то христиане — люди Бога. О понимании одной и той же книги можно спорить веками, а о том, любит ли Бог человека, явно говорит жизнь. Любви нет там, где нет доверия, а раз так, то и не христиане те, кто не верят словам Христа о нерушимости Церкви (Мф. 16, 18) и Его обещанию вечно пребывать с теми, кто живёт в Апостольской Церкви (Мф. 28, 19). Веры нет там, где человек подправляет Бога и считает, будто Он чего-то не открыл необходимого для спасения. А раз так, то нет никакого противоречия в том, что христианство истинно, несмотря на то, что от него откололись многие, а ислам ложен. Ведь если единство построено на вере, надежде и любви к воплотившемуся Богу, то измена многих не бросает никакой тени на тех, кто остался верным. А ислам, основанный на тексте, — беззащитен перед любым проходивцем, вроде Ахмадие. Мы знаем любовь Бога к нам не из текста, а из сердца, и Его руку чувствуем в наших костях, а несчастные мусульмане сами убеждены, что их божество не любит их, особенно, если они сделали грех (Кр. 3, 140). А если это так, то очевидно, что их религия ущербнее истинной веры и любви между Господом вселенной и смертными. Да и является ли ислам религией, если он не даёт возможности человеку вырваться из оков времени и встретиться ещё здесь с Творцом?

Вопрос: «Я по рождению мусульманин, и поэтому каждому нужно исповедовать ту религию, которой придерживались его отцы».

Ответ: Разве может Истина быть связана с национальным происхождением человека? — Конечно, нет! Ведь если считать так, то получится, что само это понятие — вполне человеческое. А ведь и Писание, и обычная практика показывают, что «всяк человек — ложь». А раз так, раз каждому из нас свойственно заблуждаться, то как мы в этом важнейшем вопросе можем опираться на изменчивые мнения человеческие?

И откуда берётся столь предвзятое мнение, будто раз нечто передано нам отцами, то оно уже поэтому хорошо? Ведь если вдуматься, то глупость подобного утверждения очевидна. Разве способность заблуждаться зависит от того, кем тебе приходится человек, или того времени, когда он жил? Никакое уважение к своим родителям не может заставить нас поступать по их злому примеру. И тем более недопустимо оправдывать беззаконие ссылкой на

то, что так поступали предки. Иначе получается, что дети алкоголиков обязаны спиться, а дети людоедов — делать человеческие отбивные. Вот к каким глупым выводам приводит нас неоправданное доверие к голосу предков, не проверенное Откровением Божиим. Да и само почитание родителей и возможно лишь потому, что так требует заповедь Бога. Но если мы слушаемся пятой заповеди, то на каком основании отвергаем первую?

Да и само утверждение, что человек по рождению — мусульманин, абсурдно. Иначе, зачем надо было проводить специальные обряды посвящения, как не затем, чтобы дать то, чего ещё не было? Православные также говорят, что душа каждого человека по природе христианка, но из этого никак не следует, что новорождённый не нуждается в Крещении. Так что, по рождению каждый человек — «чистая доска», на которой и родители, и воспитатели, но в первую очередь он сам записывает свою жизнь, с которой он отправится в вечность. Так что, требуется сознательное решение человека о выборе Откровения или отказа от него, за которое несёт всю ответственность он сам.

Кстати, подобный подход неверен еще и потому, что он часто скрывает за собой двойной стандарт. Ведь и мусульмане считают (опираясь на один из хадисов), что Аллах посылал множество глашатаев (до 124000) к разным народам. По словам одного современного апологета Ислама, «нет ни одного народа или нации, к которой бы не был послан пророк». И буддизм распространялся по планете вне зависимости от наций. А раз так, то, очевидно, что Истина связана вовсе не с национальностью человека, а с Богом — источником Её.

Откровение Божие также подтверждает такой взгляд. Господь Иисус перед Своим Вознесением к Богу Отцу сказал своим апостолам (о которых даже Мухаммед утверждал, что они — «помощники Аллаха») (Коран 61, 14): «идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет» (Мк. 16, 15–16). Он также возвестил, что в Судный День «придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием» (Лк. 13, 29). Но войдут в это Царство только те, кто поверил в Него. «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3, 36), — засвидетельствовал это пророк Бога Иоанн Креститель. Об этом же задолго до воплощения Слова Господа сказал Бог через Давида в Псалтири (ср. Коран. 21, 105): «почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем; ибо гнев Его возгорится вскоре. Блаженны все, уповающие на Него». (Пс. 2, 12). Итак, мы видим, что и Коран, и Библия одинаково отвергают национализм в религии.

И это понятно: сам человек не способен изобрести верные познания о Создателе, так же как картина не может сама познать художника. А раз так, тогда ничто человеческое (в том числе и нация) не должно становиться между ним и Властелином миров.

Более того, для Мухаммеда условием спасения любого человека является вера в него и в Аллаха (Коран. 8, 13). Думаю, что мусульмане татарской, башкирской или какой угодно национальности никогда не скажут неопиту русского происхождения, что он должен оставаться в своей национальной вере. Говорящие так используют систему двойных стандартов. А ведь Богу не угодны лжецы! Конечно, утверждение Мухаммеда ошибочно, как мы показали выше, но сама постановка вопроса со стороны мусульман является признаком лукавства.

При разговоре о вере нужно говорить только о том, является ли это учение Откровением Бога или нет. И какие существуют доказательства этого утверждения. Последний вопрос очень важен, ибо по вере и христиан, и мусульман, и иудеев существуют обманщики, искажающие учение Бога. И именно из-за них (и из-за дьявола, который стоит за ними) возникло такое множество религий.

Так что, отказ от Крещения по национальным соображениям является признаком нечестности ума, за которую придётся расплачиваться всю вековечную вечность. Ведь представьте себе человека, который скажет Богу на Суде: я Твое слово не исполнил, потому что я татарин или еврей. Разве такие слова являются серьезным ответом?

Вопрос: «Не будет ли с моей стороны предательством отказ от веры предков ради христианства? Не накажет ли меня за это Бог?»

Ответ в свете всего вышесказанного вполне очевиден, но вопрос настолько часто задают, что ответить придётся. Очевидно, что воля Творца бесконечно важнее мнения и предков, и родителей, и народа. Ведь ни предки, ни народ, ни Мухаммед не смогут помочь тому, кто противится силе Властелина Вселенной. Так не глупо ли бояться мифического предательства традиций предков тогда, когда речь идет о повелении Создателя?! Господь Иисус Христос сказал: «кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых ангелов» (Лк. 9, 26) и «кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11, 23), и, «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, чем Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, не достоин Меня» (Мф. 10, 37–39). Так какие же могут быть оправдания у того, кто отказался, ссылаясь на народные традиции? Он сам обрёл себя на вечное разлучение с Богом, ибо отверг единственный Путь к Отцу, вечное Слово Его — Господа Иисуса!

Да и что такое предательство, как не обман доверившегося? А какая народная традиция доверялась нам? Очевидно, что предать можно только живую личность, но никак не учение и, тем более, заблуждение.

И, наконец, спрашивают часто, не накажет ли Господь того, кто принял христианство? Но в самом вопросе скрыто противоречие. Ведь если Бог повелевает верить в Сына Своего, то как Он накажет за это? Напротив, наказание ждет именно того, кто отверг волю своего Творца. Самое удивительное, что сам Коран утверждает, что современных мусульман ждет наказание. Ведь «<...> Мухаммед учил своих последователей: „скажи: мы веруем в Бога, и в то, что свыше ниспослано нам, в то, что ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам его; в то, что дано Моисею, Иисусу и пророкам от Господа их, не делаем различия между всеми ими“ (Коран. 2, 130–285. 3, 78). Вы же не поступаете в этом согласно учению Мухаммеда и отвергаете книги всех

бывших до Мухаммеда пророков, за что и потерпите, по словам того же Мухаммеда, — „посрамительное наказание“».

Мы видим, что и по Откровению Божию — Библии, и согласно Корану ничего хорошего мусульман не ждет, в отличие от христиан, которым приготовлена вечная жизнь с Богом (Коран. 2, 59 (62)).

Если есть два или три христианина, желающие спасти своих родственников — мусульман, то пусть читают молитву по соглашению. Для этого договариваются о времени и одновременно читают ее. Иногда эту молитву читают и при чтении Псалтири и Евангелия.

Молитва по соглашению.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Ты бо рекл еси пречистыми усты Твоима: Аминь глаголю вам, яко аще два от вас совещаеа на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего Иже на небесех: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое ту есмь посреде их. Непреложны словеса Твоя, Господи, милосердие твое безприкладно и человеколюбию Твоему несть конца. Сего ради молим Тя: даруй нам, рабам Твоим (имена), согласившимся просить Тя об обращении с к Свету Твоего познания от тьмы агарянского зловерия рабов Твоих (имена). Просим Тя об исполнении нашего прошения. Но обаче не якоже мы хотим, но якоже Ты. Да будет во веки воля Твоя. Аминь.

Может ли Коран претендовать на то, что он — это слово Бога?

(Эта глава вошла в состав 2-х книг: «Прогулка протестанта по православному храму» и во второе издание книги «Брак с мусульманином»)

Во имя Иисуса, Бога Милостивого. Милосердного!

Ислам по преимуществу можно назвать «религией книги». Мухаммед после своей смерти не оставил своим последователям ни преемника — пророка (если не считать прервавшуюся цепь шиитских имамов), ни дара Духа Святого, как Его имеет Православная Церковь. Его община не сохранила и внутреннего единства и то, что объединяет весь исламский мир — это признание Корана как Откровения Творца миров. Исходя из этого всякий, желающий попробовать на прочность самые основы мусульманства должен сначала посмотреть, как Коран доказывает то, что он — слово Бога, которое обладает даже божественными атрибутами — несотворенностью и совечностью Богу.

Во многих аятах Мухаммед требует беспрекословной веры в богодухновенность его проповедей (позднее составивших Коран), но уже тогда многие требовали чего-то большего чем просто голословные утверждения и угрозы кары (тем более, что и сам проповедник был в числе сомневающихся (10, 94–95) и признавался, что его рассказы о рае — лишь притча (2, 23–24), а он не знает, «что будет сделано со мною и с вами» (46, 8)). Тем более, сегодня требуется нечто большее, чем запугивания и напористость для того, чтобы убедиться в том, что нечто выдаваемое за Божественное Откровение на деле является таковым. Думаю, что и мусульмане согласятся, что не стоит верить Осахаре, Муну или Цвигун лишь потому, что они претендуют на богодухновенность и грозят карами небесными тем, кто их не слушает. Доверчивость в таком важнейшем деле как вера может стоить нам вечной жизни!

Истинное слово Властелина миров — Библия, формально признаваемое и мусульманами (2, 130, 5, 50 и др.), также требует от нас здорового скепсиса относительно появляющихся новых Откровений (Таврат. Втор. гл. 13; 18.). Но отложим сперва оценку Корана с библейских позиций и посмотрим на те доказательства, которые он сам предлагает в свою защиту.

Один из самых любимых аргументов, приводимых в доказательство Божественности Корана для нас несколько необычен — доказательство от художественного совершенства: «А если вы в сомнении относительно того, что мы ниспослали Нашему рабу, то принесите суру, подобную этому, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, если вы правдивы. Если же вы этого не сделаете, — а вы никогда этого не сделаете! — то побойтесь огня, топливом для которого люди и камни, уготованного неверным» (2. 21–22). Любопытно, что в другом месте Мухаммед требует для этой же цели представить уже не одну, а десять сур (11, 16). Вероятно, он побоялся, что кто-то захочет поднять брошенную им перчатку. Что касается вопроса о свидетелях Откровения, то его мы коснемся позднее, а сейчас хотелось бы обратить внимание на явную логическую ошибку в доказательстве. — Ведь нельзя обосновывать какое-либо положение утверждением в свою очередь недоказанным. Сам автор Корана прекрасно знал, что не все то, что написано красиво — истина, иначе не отвергал бы он наименование «поэта» (21, 5; 52, 30), которые в те времена в Аравии проповедовали язычество.

Если же коснуться литературной стороны Корана, то всякий читатель заметит его чрезвычайную скучность, склонность к повторениям и частые разрывы логических цепей, когда одна фраза совершенно не вытекает из предыдущей. На общем фоне арабской культуры 6 века Коран может быть и казался чем-то выдающимся (особенно создателю), но позднее он был многократно превзойден в художественном плане как мусульманскими так и другими писателями. Конечно, его никак нельзя сравнить не только с высочайшими по совершенству строками Библии, но и с произведениями Гомера. Эсхила, Софокла, песнопениями Св. Григория Богослова, Ефрема Сирина и Романа Сладкопевца и многих, многих других, которые в общей сложности написали гораздо больше, чем по десять сур на каждую суру Корана. Если оценивать Коран с точки зрения высоты богословия в соединении с совершенством художественной формы, то он бесконечно уступит гимнам Отцов Православной Церкви, которые поются на каждом воскресном или праздничном богослужении. Все эти слова прославляющие Создателя подтверждены не только (и не столько) совершенством их формы, но главное — такой святостью жизни их

составителей и такими Божественными дарованиями, которые являются лучшими свидетелями их богопросвещенности.

Надо заметить, что сами арабы весьма скептически были настроены к художественным качествам Корана. «Известный поэт Башшара ибн Бурд (убит в 783 г.), на многолюдном собрании в Басре, выслушав стихотворения современных ему поэтов, сказал о некоторых из них: „Эти стихи лучше любой суры Корана“. А его младший современник поэт Абу ал-Атахия (750–825) не только не признавал несотворённости Корана, но считал, что некоторые из его собственных стихотворений по своим качествам намного выше коранических сур».[1]

Ар-Раванди (одно из самых проклятых имён в списке мусульманских еретиков) (ум. 906) утверждал, что у проповедника Актама ибн ас-Сайфи можно найти куда более изящную прозу, чем в Коране. «Как можно доказывать истинность пророческой миссии Мухаммеда на основании его же собственного Корана?» — писал он, — «Если бы Евклид стал утверждать, что люди никогда не смогли бы создать ничего подобного его книге, неужели же на основании этого было бы доказано, что он пророк?». В это же время высокопоставленный чиновник Абу ал-Хусайн ибн Абу ал-Багл пишет книгу о имеющихся в Коране ошибках. Наконец тогда же известный поэт Абу ал-Ала Маарри позволяет себе сочинить рифмованную параллель к Корану, полностью в манере «святой книги», разделив её на суры и аяты.[2]

А вот мнение европейских переводчиков Корана: «Среди мест, рассчитанных на действие поэтической формой, много неудачного. Рюккерт много стихов оставил без перевода, так как даже при искусной передаче нельзя было бы их спасти от упрека в эстетическом несовершенстве».[3]

Другим доказательством богодухновенности Корана Мухаммед представлял то, что в нем нет противоречий. — «Разве они не размышляют о Коране? — говорит он, — Ведь если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы там много противоречий», (4; 84). Со стороны Мухаммеда было очень неосмотрительно делать такие заявления. Ведь сами исламские теологи насчитывают в своей священной книге 225 противоречий. Для того, чтобы оправдать их появление в Книге, которая, по их вере, существует вечно рядом с Аллахом, они вынуждены прибегать к крайне недостойным Бога объяснениям — что Аллах будто-бы думал одно, а потом передумал. Таким образом, сам Коран, согласно собственным критериям вовсе не является словом Бога. Но это, конечно, не интересует мусульман, придерживающихся своего безумного зловерия. Любопытно проанализировать их систему аргументации богодухновенности Корана (удивительным образом не основанную на самом тексте Корана):[4] «Коран — последняя священная книга, ниспосланная Аллахом, разница между ним и другими Священными писаниями состоит в следующем:

1. „Подлинники всех священных книг до Корана утрачены. Остались только их интерпретации — Что же касается Корана, то он до единого слова, до единой буквы остался в таком же виде, в котором был ниспослан Всевышним, в нем нет изменений ни в едином слове или огласовке“».

Заявление это просто смешно. Коран был записан только спустя десятилетия после гибели Мухаммеда. При этом собирателей обвиняли в том, что они отбросили ряд сур, неудобных им. Не существует подлинника Корана, и в этом смысле его текст ничем не отличается от других документов древности. Верить, конечно, можно во все что угодно, но не надо заниматься самообманом. Кроме османского текста Корана существуют и другие тексты, обнаруженные недавно. Особенно ярко неправота этого тезиса видна из того факта, что Коран суннитов, меньше шиитского на одну суру. Так что изменения постигли и эту запись которая конечно не является словом Бога. Существует семь различных огласовок коранических текстов. — Так какой-же из них без искажения передает волю Аллаха? Но если бы даже сохранился подлинник Корана, то неужели это означало его богодухновенность? Ведь наличие подлинников творений Хаббарда и Уайт ничего не говорят в пользу того, что это — откровение Господа. Так что сам аргумент этот смешон. Если же сопоставить Коран с Библией, то мы увидим удивительную разницу в судьбе этих книг. Первый не может справиться с внутренними противоречиями, а вторую не могут опровергнуть многовековые нападки библейской критики, уникальность точности первого опровергнута историей, а второй — подтверждается все новыми и новыми находками. Так что Библия только и может претендовать на богодухновенность, в отличие от выдуманного Мухаммедом Корана.

2. «В Священных писаниях слова Всевышнего смешались с людскими: так в одном из них описывается национальная история, жизнь знати и пророков, толкования, правовые установки законовевов; среди всего этого просто невозможно отличить слово Бога от речи людей. В Коране же Слова Аллаха чисты, без всяких примесей. Толкования же Корана, хадисы, мусульманское право (Фикх), жизнь Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует, жизнь его сподвижников, история ислама — все это не смешивается с Кораном и собрано в других книгах».

Сама атрибуция Всевышнему слов Корана никак не свидетельствует в пользу его богодухновенности, как не свидетельствует об этом атрибуция Богу слов душевнобольных. С точки зрения Библии Бог может открывать свою волю не только словами, но и делами. Причем свидетельство последних более веское. Так что факт приписывания Господу слов Корана говорит скорее о маломощности его духовного автора (который не может ничего сотворить, а только пародировать уже созданное), а не о подлинности откровения. С другой стороны в самом Коране мы видим описания и культов язычников, и исторических реалий, так что по приведенному критерию Коран — не слово Бога.

3. «Ни об одном из Священных писаний, которые сейчас существуют у различных народов и наций, нельзя с уверенностью, опираясь на исторические данные, сказать, что оно было ниспослано именно тому пророку, которому его приписывают. Более того, есть множество религиозных книг, о которых вообще неизвестно, когда они появились и кому были ниспосланы. Но существуют неоспоримые исторические свидетельства, что Коран был

ниспослан Всевышним Пророку, да благословит его Аллах и да приветствует. Известно также о каждом стихе (аяте) Корана: когда и где он был ниспослан Мухаммеду, да благословит его Аллах и да приветствует».

Надо заметить, что здесь наличествует логическая ошибка и доказываемое выдается за аксиому. Никто еще не доказал, что ниспослание Корана вообще имело место и тем более, что послал его истинный Бог, а потому заведомо не может быть известно, когда ниспослан тот или иной аят. Может быть известно только время и место произнесения той и или иной проповеди (да и то все эти построения весьма приблизительны), а никак не факт ниспослания. Историчность же пророчеств Библии и атрибуция их именно тем пророкам, которым они приписываются подтверждены самой пристрастной проверкой, которую учинили в течении трех веков библейские критики. Они не смогли доказать хотя бы один факт не аутентичности библейского текста так, что все «ученые» были бы согласны с этим.

С другой стороны как замечал еще преп. Иоанн Дамаскин если мусульмане даже осла не покупают без свидетелей, то почему таких свидетелей не было у Мухамеда?

4. «Языки, на которых были ниспосланы все предыдущие Священные писания, были уничтожены временем. С тех пор прошли многие годы, не осталось на Земле тех, кто когда-то говорил на этих языках, и лишь немногие могут понимать их. И если бы эти книги дошли до нас в своем первоначальном виде, было бы просто невозможно понять, что в них сказано, и следовать содержащимся в них заветам. Что же касается языка Корана, то это живой язык, на нем говорят десятки миллионов людей, а понимают сотни миллионов. Он изучается в любой стране мира. Каждый, кто хочет его изучить, может это сделать. Тот же, у кого нет достаточного времени для этого, в любом месте найдет человека, готового помочь ему толковать Коран и его заповеди».

Этот тезис удивительно лжив. Библия написана на иврите, арамейском и древнегреческом языках. Все эти три языка являются живыми. Первый — официальный язык государства Израиль, второй — ряда христианских поселений Сирии, а третий — богослужебный язык миллионов грекоязычных христиан. Куда больше людей изучают эти три языка в университетах и школах всего мира, чем корейшитский арабский язык. Миллионы людей могут понимать священные тексты на языках оригинала и практически все население нашей планеты имеет возможность читать истинное слово Божие в добротных переводах. И в этом отношении Коран заметно проигрывает Библии, не даром мусульмане просто вынуждены, для поддержания своего заблуждения бороться с словом Божиим при помощи огня, террора и казней. — Ведь других аргументов против Господа у них нет, но слово Божие не вяжется! Но даже если бы это было правдой, то почему мы должны считать Откровением то, что написано на живом языке? Ведь и современные лжепророки и многобожники пишут на живых языках, но их слова не становятся из-за этого правдой.

5. «Все религиозные книги, имеющиеся у различных народов в настоящее время, предназначаются для какого-то одного определенного народа, а установления, содержащиеся в них, соответствуют какому-то определенному времени, условиям жизни этого народа и его потребностям. Если же взглянуть на Коран с этой точки зрения, то станет ясно: эти слова обращены ко всем; читающему любой стих Корана не придет в голову мысль, что он обращен особо к какому-то народу. Заповеди Корана верны в любой стране, в любое время. Все это убедительно свидетельствует о том, что Коран всем мирам(?) до скончания века».

Коран прямо говорит, что он «ниспослан» для тех, кто его понимает на арабском языке. То есть согласно самому Корану он предназначен только для арабов и джинов. Установления его точно соответствуют представлениям современников лжепророка и его прихотям, и именно с этим реально связано такое колоссальное количество противоречий, в нем встречающихся. Конечно, любой читающий Коран, поймет, что он обращен ко всем — во всех он будит плотские желания и влечет за собой разнузданность и жестокость. Действительно, в этом отношении он универсален, но это универсальность зла, а не добра.

6. «Каждая из древних священных книг, хотя она и несла в себе правдивость и доброту, и по ней человек мог совершенствоваться нравственно и найти путь к праведной жизни, не вместила в себя все достоинства и добродетели без остатка. Коран же, в отличие от других священных книг, вобрал в себя все, что было в них полезного и чего в них не было».

Коран не только не достиг вершин добродетели, но его нравственный уровень часто не дотягивает до уровня просто европейской порядочности. Тем более его не возможно сравнить с нравственной высотой нагорной проповеди (Мф. 5–8). Коран не дает человеку сил творить даже то минимальное добро, которое он проповедует и потому он совершенно бесполезен для реального человека. Сама по себе никакая книга не способна изменить человека. Для этого нужна сила Господа миров.

7. «Из-за того, что человек так вольно обращался с древними священными книгами, в них проникло многое из того, что несовместимо с разумом и истиной, что наносило вред убеждениям человека и его знанию. В Коране ничего подобного нет».

Ну, если не считать утверждений, будто христиане верят в Богородицу как в Бога, что Приснодева Мария была сестрой Моисея, что Аман был визирем фараона, если не считать научных ошибок, если не видеть явной безнравственности и призывов к убийствам, то тезис был бы практически точным! Что же касается разума, то блестящим подтверждением его совместимости с Кораном является любимая аргументация самого Мухаммеда, вместо доказательства подлинности своего посланничества обещавшего своим оппонентам варку в огне и питье из железа. Конечно, никакой разум не способен устоять против столь убийственной (чаще всего в буквальном смысле) аргументацией. Кстати такое отношение к другим священным Писаниям бросает тень на самого Аллаха. Ведь если человек мог исказить слово Бога, а сам он не имеет свободной воли (напр. Коран. 39, 24), то получается, что сам

Бог сознательно исказил собственное же слово, хотя и говорил, что «не нарушает Аллах обещания!» (Коран. 39, 21). А если это так, то нет никаких гарантий в том, что он не сделает этого еще раз и не извратит сам Коран.

Итак, разбирая аргументы мусульман, мы видим, что Коран не может претендовать на то, что он — откровение Бога, а потому можно и должно сказать что перед нами лжепророчество, вдохновленное извечным врагом рода человеческого.

Это утверждение станет особенно ясным, если мы обратимся к Библейским критериям истинного Откровения. Ведь сам Мухаммед говорил, что Коран «это — истинность подтверждающая истинность того, что с ними (иудеями и христианами)» (Коран. 2, 85) — т. е. Библии. Итак, Моисей говорит, что если восстанет пророк или сновидец и сотворит знамение или чудо, и оно сбудется, и затем он предложит пойти и поклониться иным богам, которых мы не знаем, то его не должно слушать, ибо через это искушает нас Господь, а пророка того должно предать смерти. (Втор. 13, 1–5). Если мы подойдем с этой стороны к Корану, то мы увидим, что тот желает исправить предыдущие Откровения Господа, а мусульмане вообще дошли до того, что объявили Библию искаженной. Если Христос говорил, что Он пришел не нарушить закон, но исполнить (Мф. 5, 17), то Коран отменяет предыдущее слово неизменного Творца. Очевидно, что в соответствии с Законом (Таврат) Мухамед должен был предан смерти как лжепророк. Истинно слово данное Богом через прор. Исайю: «не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят как это слово, то нет в них света» (Ис. 8, 19–20). Все это во всей полноте относится к лжепророчествам Мухамеда. Другим доказательством подлинности Откровения должны быть знамения и предсказания будущего. «Представьте дело ваше, говорит Господь, приведите ваши доказательства, говорит Царь Иакова. Пусть они представят и скажут нам, что произойдет; пусть возвестят что-либо прежде, нежели оно произошло, и мы вникнем умом своим и узнаем, как оно кончилось, или пусть предвозвестят нам о будущем, и мы будем знать, что вы боги, или сделайте что-нибудь, доброе ли, худое ли, чтобы мы изумились и вместе с вами увидели» (Ис. 41, 22–23) Пророчества Мухамеда также оказываются ложными и по этому признаку. В Коране есть всего одно предсказание о победе римлян над персами (если оно не вставлено после события), а чудеса Мухаммед отказывался делать (единственное чудо, приписываемое лжепророку — раскалывание месяца, которое впрочем не наблюдалась не адептами новой веры — Коран 54, 1). Так что и по этому признаку «дело ваше ничтожно» (Ис. 41, 24) — говорит Истинный Бог. Если мы сравним Коран с Библией и посмотрим, какие признаки богодухновенности последней выдвигает Церковь, то мы увидим разительное отличие этих двух откровений. Как написано в Катехизисе, «Церковь предлагает следующие признаки:

1. Высоту этого учения, свидетельствующую о том, что оно не могло быть изобретено разумом человеческим.
2. Чистоту этого учения, показывающую, что оно происходило от чистейшего ума Божия.
3. Пророчества.
4. Чудеса.
5. Могуущественное воздействие этого учения на сердца человеческие, свойственное только Божией силой».[5]

Если мы подойдем с этими же требованиями к Корану, то результат будет плачевный. Невозможность изобретения учения Корана человеческим умом весьма сомнительна, так как самая главная суть его — строгий монотеизм, исповедали еще до Мухамеда ханифы. Любой не больной разумом человек, рассматривая творение, придет к выводу об существовании Единого Начала всего сущего. Как верно заметил Честертон, «Когда мы говорим, что в такой-то стране столько-то мусульман, мы хотим сказать, что в ней столько-то монотеистов, то есть людей, поверивших древнему ощущению. Они свидетельствуют необходимую и высокую истину, но ее никак нельзя называть новой. Их вера — не новый цвет, а неопределенный фон многоцветной человеческой жизни. Мухаммед, в отличие от волхвов, не открыл новой звезды — он увидел из своего окошка часть сероватого поля, залитого древним звездным светом».[6] То же самое можно сказать и о чистоте учения Мухаммеда. Оно вполне потакает всем человеческим страстям. Можно убивать неверных, брать без ограничения наложниц, обманывать неверных. Существует даже хадис, легализующий проституцию: «Рассказал нам Абдаллах: рассказал мне отец: рассказал нам Ваки со слов Ибн Аби Халида со слов Кайса со слов Абдаллаха, сказавшего: „Как-то, ещё молодыми, мы были с пророком. Мы сказали: посланник Аллаха, что нам, кастрировать себя? Пророк запретил нам это и разрешил нам брать в жёны женщин за вознаграждение на время“. Сказав это, Абдаллах процитировал: Не запрещайте благ, разрешенных Аллахом». (Ибн Ханбал. Муснад, 1, 432). По меткому замечанию того же Честертон, «Христос учил другому, очень трудному, ничуть не более трудному сейчас, чем тогда. Разрешая многоженство, Магомет и впрямь приравнивался к среде. Никто не скажет, что четыре жены — недостижимый идеал, это практический компромисс, отмеченный духом определенного общества. Если бы Мухаммед родился в лондонском пригороде XIX века, он вряд ли завел бы там гаремы, даже и по четыре жены. Он родился в Аравии VI века и приспособил брачный закон к тогдашнему обычаю».[7] Так что в Коране мы не найдем следов чистейшего Ума Божия.

Об отсутствии пророчеств и чудес, подтверждающих новое откровение мы уже говорили. И разительное отличие Корана от Библии станет тем более ясным, когда вспомним, что в Библии находятся тысячи пророчеств, сбывшихся спустя века после своего произнесения. А чудеса совершаются в Апостольской Церкви до сих пор (достаточно вспомнить чудо Благодатного Огня).

Остается последний признак — «Могуущественное воздействие этого учения на сердца человеческие, свойственное только Божией силой». Если богодухновенность христианства очевидно проявилась в том, что оно не только выжило в страшных гонениях, но и распространилось по всему миру, то ислам с самого начала пробивал себе дорогу огнем, подкупом, предательством и мечем. Если бы Коран был словом Бога, то Мухаммед не сказал бы, что Аллах послал

его не со знаменами, а с мечем. Творец не нуждается в человеческой защите. Слово Божие сильнее меча, как показали это десятки тысяч мучеников, обличивших безумное учение Мухамеда своими страданиями.

Примечания

1

Климович Л. И. Книга о Коране. М., 1986. С. 85.

2

Мец Адам. Мусульманский ренессанс. М., 1996. С. 321–322.

3

Крачковский И. Ю. Изучение избранных отрывков Корана в подлиннике. / Коран. М., 1990. С. 683. Сохранившиеся фрагменты Корана Абу ал-Алы изданы: Margoliuth D.S. Index librorum Abu'l-'Alae Ma'arrens. / Centenario di M. Amari, vol. I.

4

Цитата взята из сочинения Абу ал-Аала л-Маудуди. Принципы Ислама. М., 1993. С. 72–74.

5

Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 1998. С. 14.

6

Честертон Г. Вечный Человек. М., 1991. С. 263.

7

Честертон Г. Вечный Человек. М., 1991. С. 214.